
18+
Петр Котельников
Записки
судмедэксперта
Реальные преступления.
Шокирующие тайны.
ВНИМАНИЕ:
ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ КОНТЕНТ
Содержит реальные сцены, которые могут шокировать.
МИЛИЦИЯ
3

Петр Котельников

Записки судмедэксперта. На основании реальных событий

https://litres.ru/74927867
ISBN 9785007171335

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Убийство или несчастный случай? Чья версия событий окажется правдой? Иногда одна улика переворачивает ход расследования, а заключение судмедэксперта раскрывает то, что преступник пытался скрыть. В этой книге — реальные дела из практики Петра Котельникова: загадочные смерти, хитроумные преступления, ложные подозрения и неожиданные развязки. Здесь каждый случай — детектив, в котором главная улика уже не может говорить.

Содержание

Что движет нами?	5
Первый раунд	8
Ищу ответ	10
Загадочная смерть	15
Тень сомненья	25
Месть	41
Тихий домик	47
Навечно в строю	52
Ревность не мыслит	56
«Радость рождения»	65
Последняя поездка	69
Он ехал в Уфу	78
Все может быть	82
Только из милосердия	87
Мани, мани	90
Проделки Асмодея	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Записки судмедэксперта
На основании реальных событий

Петр Петрович Котельников

Редактор Олег Петрович Котельников

© Петр Петрович Котельников, 2026

ISBN 978-5-0071-7133-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Что движет нами?

Что движет человечеством? Добродетель? Доброта не слишком ценится человечеством, многих ли правителей мира украшало это прозвище? Двух-трех, да и те, если представить миру без прикрас, скорей всего, потянут на помощника Мефистофеля.

Во все времена в человеческом обществе царило чаще всего зло. И законы, регламентирующие жизнь этого общества, состояли из правил, защищающих зло.

Насилие над человеческим телом и сознанием были методами исполнения этих законов. Человек пытался вырваться из тисков их, как во имя «добра», так и во имя «зла», не ведая об их единстве.

Недаром во все времена нарушались правила общественного поведения. Найдите среди истинно верующих того, кто ни разу не преступил заповедей Господних? Посмотрите на современные фильмы. Кто в них герой, кому в тайне сочувствует зритель? На кого он стремится быть похожим? Почему процветает культ насилия? Кто культивирует его, и для чего? Разве кто-нибудь посочувствовал жертве? Кто представил хотя бы на мгновение, что переживает человек, когда его насилуют, или лишают жизни самыми зверскими методами? Жертвы, несчастные, калеки — только фон, на котором красуется современный Джек-Потрошитель! Я в про-

шлом судебно-медицинский эксперт. С кем я в первую очередь имел дело, кого я исследовал и кого освидетельствовал? В первую очередь — жертву. Я проникался сочувствием к ней, я переживал за нее, я негодовал против насильников и убийц. И это негодование, это сочувствие здорово помогали мне в работе, наверное, поэтому я так редко ошибался. Читая мои записи, не представляйте, что там действует умудренный опытом профессионал. Да, я был профессионалом, но я был молод, я был невероятно подвижен! Сколько ночей я не спал, а уж те, когда не досыпал, и подсчету не подлежат… Сколько пришлось повидать и добрых людей, и случайно заблудших, и откровенных отморозков, которых то и людьми называть недостойно. Все случаи, описанные здесь, в моем повествовании, имели место в жизни, все эти события и жизни прошли через душу и руки мои. Я не отрицаю того, что может иметь место субъективность взгляда на событие, но я предлагаю Вам самим взглянуть на них иначе. Я во многих местах изменил фамилии и имена действующих лиц, чтобы не затрагивать чувств их родственников, кои в действиях своих близких не виноваты. Но там, где мне достоверно известно отсутствие оных, я в неприкосновенности оставил их имена, как не изменял фамилий тех работников прокуратуры и милиции, с которыми мне приходилось работать. Нет, они не носили громких имен, но они трудились, и должен откровенно признаться, среди них почти не было тех, кто поклонялся золотому тельцу. Они не нажили ни хо-

ром, ни денег. Многие из них ушли в небытие не по своей воле. Пусть эта книга будет маленькой свечкой их доброй и светлой памяти.

Первый раунд

В судебную медицину я пришел потому, что боялся. Боялся причинить боль, боялся причинить смерть. Но, у меня не было ни времени, ни средств для поисков приемлемой профессии. И вот я в тоге судебно-медицинского эксперта. Мне нравится то уважение, которое тебе оказывают, не смотря на твою молодость. Есть правда и издержки профессии, о которых никто не знает, и о которых никто не узнает. А я на всю жизнь запомнил свое, самостоятельно проведенное вскрытие.

Нет, там не пахло криминалом. Но там был такой запах, который заставил всех сотрудников судебно-медицинской экспертизы перенести свои тела из кабинетов наружу. С трупом наедине остался я один, не зная, как подступиться. Мертвое, невероятно раздутое гнилостными газами тело было обнаружено в небольшом доме, стоящим в глубине небольшого сада, метрах в двадцати от тротуара улицы. Его определили по запаху, когда он достиг улицы. Я не стану описывать внешний вид покойной. Но, пока вскрывал, я трижды вырвал. Рвотные конвульсии сгибали меня, и я бежал к раковине. Освободив желудок, я вновь возвращался к трупу. У меня, кажется, вытянуло все, что я за три дня употребил в пищу. Я включил вентилятор. Но, он только разгонял зловоние по помещению. Когда я закончил вскрытие,

меня шатало. И целый день казалось, что от меня исходит дурной запах, я сторонился прохожих. Но, первый раунд во встрече с судебной медициной я выиграл. После него, меня от исследования не могла отогнать никакая степень разложения. Я искал, и находил истину!

Ищу ответ

Я ищу и не могу найти ответ на вопрос: предопределена ли у человека встреча с бедой, или она абсолютно случайна? Пытаюсь понять те случаи жизни, свидетелем которых я стал.

Пурга в городе. Пригоршни снега ветер швыряет в лицо, задыхаюсь, дух перехватывает, поворачиваюсь спиной к нему, чтобы хоть немного передохнуть. Каждый шаг достается с трудом, приходится резко наклоняться вперед, преодолевая упругую, словно живую, стену воздуха. Снег сметает и с крыш домов, засыпая меня и сверху. Куйбышев — огромный город, но сегодня он, словно вымер, двигаются одинокие прохожие. Впереди меня, согнувшись в три погибели, идет женщина. Молода она, или нет, я не знаю. Между нами, расстояние не более пяти метров. Кончается улица Л. Толстого, впереди видна привокзальная площадь, где снежные вихри гуляют вовсю. Вдруг, на моих глазах, с крыши высокого кирпичного дома падает камень. Ну, чтобы ему отклониться хотя бы на 10 см. Нет, он падает прямо на голову женщине. Несколько мгновений я вижу, как в судорогах бьется ее тело, потом оно — замирает. Я подбегаю к ней, поздно — она мертва. А у меня и по прошествии многих лет остался нерешенным вопрос — случайно ли? Я не терплю этого слова, от него веет безысходностью. А что имеется взамен?

Я стою в двух метрах от трактора, двигатель его работает с перебоями. Тракторист пытается отрегулировать работу мотора. Движения маховика-пускача сливаются в стальную белую полоску. Я поднимаю левую руку вверх, чтобы поправить волосы на голове, и что-то со свистом ныряет под моей рукой, а в стену дома, отстоящего от нас метрах в пятидесяти, с громким стуком впивается маховик, толстый тяжелый металлический диск. Отклонись немного вправо, и он пробил бы мне грудь. Не подними я в этот момент руку, я б остался без руки. Что, не суждено?

Водитель такси, старенькой, повидавшей виды «Волги», по фамилии Кацко Георгий, мой старый приятель, два месяца, как севший за рулевое колесо машины, а до того, работавший руководителем коллектива физкультуры Керченского автобусно-таксомоторного парка, привез пассажира на железнодорожную станцию Керчь.

Тот просит водителя подождать, пока он оформит проездные документы. Кацко, в его отсутствие поднимает крышку капота, наверное, потому, что услышал посторонние звуки в работе мотора. Наклоняется и в этот момент крыльчатка отрывается, лопасть ее врезается, сокрушая лобную кость, часть мозга вываливается наружу. Рослый, красивый мужчина, в полном расцвете сил и здоровья, погибает. Судьба, или случайность?

И чтобы покончить с этим риторическим вопросом, я расскажу об одном случае, произошедшим со мной, который

круто изменил все мое мировоззрение.

Жаркий, жаркий летний день. Я, отлично позагорав и вдоволь накупавшись в море, в селе Юркино, что расположено в 14 км. от г. Керчи, возвращаюсь на своем личном автомобиле «Москвич 412» домой. На заднем сиденье жена и внук. Я люблю быструю езду, и хотя дорога не очень к ней приспособлена, еду со скоростью около 80 км. Машина идет легко, через открытое окно кабины ветерок обдувает приятно мое тело, мысли мои крутятся около стопки вина и закуски. Миную село Баксы, оно остается слева от меня, машина легко берет небольшой подъём, местность впереди закрыта, но, вот открывается и она… Проезжая часть дороги с моей стороны занята темно-вишневым «Жигули», оно не съехало на обочину, как положено было сделать, около него слева стоит группа людей, а навстречу идет грузовая машина. На раздумья времени нет, как и нет выхода. Погасить скорость торможением я не могу, нет достаточного расстояния.

Объехать слева — я сбиваю людей, или лоб в лоб сталкиваюсь с грузовиком. Нет перспективы и бить стоящее неподвижно «Жигули». Надежд нет, и я принимаю решение, объехать «Жигули» справа, впритирку, хотя это — безнадежное дело… Ведь справа от «Жигулей» — кювет, между ним и машиной слишком малый просвет. Кювет, густо обсажен деревьями с двух сторон, что автомобилю и протиснуться невозможно. Он довольно узкий, но очень глубокий, со стороны дороги край его крут, с противоположной — пологий. А еще

далее идет колхозное поле и кучи камней, которые выпахивают плугом и складывают.

Я долго описываю в то время, как на это мне были отпущены десятые доли секунды. Моя машина взлетает в воздух, изменить направление колес я не могу, навстречу мне летит зеленая крона дерева. Я все это вижу четко, ясно, как будто это происходит не со мной, а с кем-то другим, или я вижу кадры из кинофильма, абсолютно не потеряв спокойствия. В последнюю секунду мне показалось, что автомобиль подняла в воздух гигантская рука и поставила… Толчок, машина заглохла, я спрашиваю своих: «Не ушиблись?»

Отвечают: «Нет!».

И действительно, никого у нас нет ни ссадины, ни кровоподтека.

Машина находится строго перпендикулярно кювету. По обе стороны ее расположены довольно толстые деревья, в метре от кузова, багажник опирается на один край кювета, передок мягко зарылся в землю противоположной стороны. Смотрю, глазам своим не верю, ну, никак не могло быть так! Машина практически висит. Спускаю вниз ноги и прыгаю, поскольку ногами не достаю земли, взбираюсь на дорогу. Она — пустынна. Ни «Жигулей», ни той, что шла навстречу. Голосую, и на попутной машине, еду к своему другу, в Аджимушкай. По счастью он дома. Берем лопаты, две широкие толстые доски. На его машине, прихватив еще одного помощника, соседа, крепкого коренастого мужчину,

возвращаемся к месту происшествия. Они смотрят, и тоже глазам своим не верят. Ну, невозможно такое, ни практически, ни теоретически. Слегка откопав передок, подставив под колеса доски, на буксире меня вытягивают из кювета. На машине, кроме двух царапин от колючек дерева, никаких повреждений. Я завожу мотор и уезжаю. Для меня вопрос был решен, я из убежденного атеиста, перехожу в стан верующих. Испытаний и позже у меня было предостаточно, и чем мучительней они становились, тем более вера в небесный разум у меня росла.

А вопрос все еще остался: все ли предопределено, или все-таки…

Загадочная смерть

У многих обывателей сложилось неправильное мнение, что судебно-медицинский эксперт имеет дело только со смертью, и только с той ее разновидностью, которая получила название насильственной, и которую еще подразделяют на несчастный случай, самоубийство и убийство. Порой так трудно их распознать меж собой. Недаром, в прошлом, судебный медик помимо заключения писал свое особое мнение, в котором он подробно, подкрепляя слова фактами, высказывал свой взгляд на происшедшее. Часто такое мнение во много раз по объему информации превосходило само заключение. Я не стану дискутировать по поводу отмены этого документа, ограничивающего мир субъективного взгляда судебного медика по каждому конкретному делу. Но полагаю, будь это так, мир бы не увидел бы таких корифеев от судебной медицины, как Тардье, Олленхауэр, Гофман, или такого судебного психиатра, как Крафт-Эбинг. У нас в стране произошло разделение патологов, занимающихся танатологией, на судебно-медицинских экспертов и патолого-анатомов. Последние занимаются исключительно ненасильственной смертью. Условность такого деления очевидна; если систематизировать работу судебного медика, то ненасильственная смерть у него составляет не менее 40%. Она, эта ненасильственная смерть может быть значительно загадоч-

ней насильственной. В насильственной смерти причина хоть внешне видна: задавило, утонул, застрелили, зарезали. А что сказать в случаях скоропостижной, или внезапной смерти, когда ничего не видно. Был здоров, и вдруг умер.

К примеру, служил человек в армии, все нагрузки там свободно переносил, домой вернулся, пошел на охоту, стал свежевать убитого им зайца, и вдруг — побледнел, упал и умер. Вскрываю, вижу разрыв аневризмы грудной аорты. Возникает вопрос, почему такой болезненный процесс не был выявлен медицинской комиссией военкомата, когда принимали на службу, или не выявлен военными врачами воинской части, где покойный при жизни служил? Или еще случай, приехал в город Керчь известный ученый — археолог, профессор Гайдукевич, вдруг ему стало дурно на городище Пантикапей, упал и умер. Вскрываю, опять разрыв аневризмы дуги аорты. Но почему только сейчас? Ведь он десятки раз бывал на горе Митридат, никогда не жаловался на здоровье. А сколько приходится слышать от родственников покойного вопросов:

«Доктор, от чего он умер? Ни дня не болел, ни на что не жаловался, пришел домой с работы, прилег полежать, и не поднялся!»

«Что же это такое? Только что с ним разговаривал, звоню ему снова, отвечают — умер!»

«Сел телевизор посмотреть, попросил чай ему принести, пока чай заваривала, его не стало!»

Такие, или подобные вопросы, слышу часто. Да и жалоб на работников медицины по этому виду смерти, хоть отбавляй.

«Ведь здоровый мужик был, а не спасли!»

«Да, что они могут, эти врачи? Только таблетки выписывать! Такого мужика прохлопали!

А как им объяснить, да чтобы подоходчивее было, когда человек к восприятию мыслей не готов. Не то у него сейчас состояние, чтобы все понимать! Он, она — потрясены внезапной смертью близкого человека! В их глазах весь мир виноват в том, что их близкий умер, в том числе виноват и Господь Бог. Виноват он, что не сохранил, не уберег, забрал, наконец! Как объяснить, что быстрая смерть их близкого, подобна тому, что они часто видят вокруг. Вот стоит яблоня. Все яблоки на ней зеленые, а вот там с краю, одно пожелтело. Почему пожелтело? Не разрежешь, не вскроешь, не осмотришь, не узнаешь, то ли червь в него забрался, то ли веточка, на которой висит, надломилась. Осенью все листья отмирают, желтеют, осыпаются. А вот почему на том дереве они пожелтели в разгар лета? Такое огромное дерево стояло, и вдруг, ни с того, ни с сего, упало. Почему упало? Как людям объяснить, что наступлению смерти предшествует агония? Не хочет просто так жизнь сдаться, борется со смертью, хотя и посильнее та будет. В конце концов, жизнь уступит смерти, чтобы потом, на ее плечах возродиться снова. Но нет бессмертных! Был один такой, в греческой мифологии, Сизифом звался, сумел две жизни прожить, саму смерть

обманул! А чем все кончилось? За обман был наказан Сизиф богами-олимпийцами заставили они его бессмысленно трудиться, вкатывая на гору огромный камень. О, как были правы древние! Разве мы не трудимся во имя бессмысленного? Еще как, трудимся!

Главный противник смерти — движение. Жизнь сдается тогда, когда прекращается движение. Недаром в народе слово труп так редко слышится, а вот — покойник, почти всегда. Двигается жизнь, борется со смертью. Вот это и есть — агония. Но сам агональный период по продолжительности не одинаков. Когда по силам смерть и жизнь еще равны, мы еще не знаем, кто победителем будет. Пребывание в таком состоянии мы называем кризисом. Вы часто читаете в художественной литературе, как врачи собираются у постели больного, а родственники больного в комнате рядом. Ждут, что скажут им служители Эскулапа. Выходит, к ним врач с серьезнейшей миной и возглашает: «Кризис наступил!» Все замирают в ожидании. Все понимают, что есть два выхода из того кризиса. Если смерть, то слышны стоны, плач, причитания! А жизнь победила, из груди у всех вырывается вздох облегчения, слышатся фразы: «Ну, слава Богу, теперь на поправку пойдет! А наш то, хворый — молодец, одолел болезнь!»

А если агональный период короткий? Пришла беда, костлявая крепко за горло ухватила, вызвали «скорую», да не успела она, хоть и выехала сразу, только вызов получив. Вот

и говорят тогда, что человек скоропостижно скончался. Ну, а если агональный период настолько короткий, что и не видно его, приходится говорить о внезапной смерти. Вот тут и возникает огромное количество вопросов: от чего, как, почему? Причину внезапной смерти любому лечащему врачу не установить, в лучшем случае, он что-то предполагать может. Врач не видел клинической картины заболевания, а может, и самого больного не видел. Что он может сказать? Тут вопрос о причине смерти может быть решен только при исследовании мертвого тела, без вскрытия тут не обойтись. Приступая к вскрытию, судмедэксперт может ожидать всего, чего только угодно. Может быть и сердечная смерть, может быть кровоизлияние в мозг. А сердечная смерть может иметь в свою очередь массу причин, от эмболии до любого резкого стрессового состояния. Разве вы не слышали о внезапной смерти футбольного фаната, когда он видит, как его любимой команде забивают решающий гол! А внезапная смерть матери, получающей телеграмму от сына, которого она давно считала мертвым! А парализующий страх…

Черная, как сажа, ночь. Село уснуло с первыми петухами и теперь спит крепко, беспробудно. Только где, где беспричинно залает собака. Не спит молодежь, ей вечно летом по ночам не спится. Гуляет. Там парочки приютились под деревьями, шепчутся, целуются. А там группа подростков озорничает. Нашли череп в лесу, заклеили красной бумагой глазницы, свечу горящую внутрь поставили, и стучатся к бабе Серафи-

ме в окошечко. Та, спросонья, ничего не поймет, бросается к окну… А они, озорники, череп ей протягивают, да одновременно в десять глоток молодых воют. Бабка бездыханной падает на пол, подростки, хохоча, прочь убегают! Вот и определи тут причину смерти! Мертвая бабка не расскажет, сорванцы не признаются. Судмедэксперт этого не видел. А видны ему при вскрытии лишь возрастные изменения. Как тут быть?

Внезапная смерть от мозгового инсульта, смерть от острой коронарной недостаточности может предполагаться, если возраст покойной, или покойника солидный, если родственники что-то подскажу о том, чем он страдал при жизни. Иногда потребуются специальные методы исследования и в первую очередь работа с микроскопом, когда кусочки из органов умершего будут исследоваться под микроскопом. Там, где не видно простым глазом, можно увидеть при большом увеличении

Внезапная смерть может иметь и физическую основу, а прятаться в тогу ненасильственной. Могут быть попытки и прямого обмана эксперта, если смерть произошла на предприятии, грубо нарушены правила безопасности. У меня был случай, когда было доставлено тело электрика из Керченского железорудного комбината. Я нашел у него электрометки на пальцах правой кисти, а руководство меня пыталось убедить, что вольтаж аппарата настолько мал, что никак убить не мог. Пришлось им напомнить не о вольтаже, а о

силе тока, нельзя же представлять эксперта таким неграмотным в области электротехники.

Или, сидит Степан Гавриш на берегу пруда с удочками. Поодаль от него еще ряд таких же «тихопомешанных», никаких красот природы не видящих. Все чувства человеческие сконцентрированы на поплавках. Удача пришла к Степану, крупную плотву поймал, уже и с крючка снял, а тут другое удилище потянуло, поплавок бешено запрыгал Схватил Гавриш плотву, сунул ее себе в рот, зубами головку прикусил, а сам за уплывающее удилище схватился, к себе тянет. Не дается удилище, резко согнулось, знать рыбина слишком крупная попалась. От радости дыхание Степана перехватило, вздохнул глубоко, а плотва, глядь, и скользнула в рот, да и закрыла собой дыхательные пути. Посинел внезапно рыбак, кулем повалился на землю. Подбежали тут к упавшему друзья, не поймут в чем дело! И только я после вскрытия даю заключение о том, что смерть Гавриша наступила от механической асфиксии от закрытия просвета дыхательных путей инородным телом — рыбой.

Или, вот еще такой пример, сидит за столиком в ресторане «Сосна» г. Ливны гр-н Амелин. Перед ним на столике графин с водкой, два бутерброда с кетовой икрой И вермишель с жареной курицей. Опрокинул посетитель рюмку водки в рот, отхватил зубами кусок курицы… Посинел сразу, за шею двумя руками схватился, глаза на лоб полезли, и свалился на пол мертвым. Крики в ресторане: «Скорую вызывайте, му-

жик тут отравился. Приехавшая скорая констатирует смерть, и уезжает. На вскрытии нахожу кусок куриной грудки в просвете гортани. Опять механическая асфиксия…

За внезапной смертью может маскироваться убийство с помощью сильнодействующих ядов. К великому счастью, я за время работы имел случаи отравления хронического характера, отравления беленой, угарным газом, но не видел случаев отравления стрихнином, бруцином, цианидами. Отравления лекарственными препаратами, особенно снотворными — не в счет

Значительно чаще внезапной смерти встречается скоропостижная. Картина наступающей смерти очень часто происходит в присутствии свидетелей. Для этого времени хватает. А вот для оказания квалифицированной помощи ее просто нет. Но и скоропостижная смерть для обывателя хранит немало тайн. Ведь приход смерти здесь бывает неожиданным и для умирающего.

Для понимания процесса скоропостижной смерти следует знать два условия. Первое, болезненные явления сами по себе, небольшие, недостаточные для клинических проявлений, но они накапливаются. Медленно, постепенно накапливаются причины болезни, к ним организм адаптируется, вот почему больной не жалуется, считая себя здоровым. Но наступает в жизни такой момент, когда добавление пусть и маленького раздражителя, приводит к тому, что болезненные проявления перехлестывают через край, обрушиваются внезап-

но огромным болезненным валом, человек от боли и страха впадает в шоковое состоянии, нагрузка становится невыносимой и жизнь оставляет тело. Хорошо было древним эллинам, не задумывались они над тем, что так часто беспокоит нас. Они не признавали полного уничтожения жизни, небытия Мир их разделялся на мир живой жизни и мир мертвой жизни. Отделяла эти миры друг от друга Мировая река-океан. Чтобы достигнуть мира мертвой жизни, надо было переплыть или перелететь океан. В мире живых обитали боги и смертные. В мире мертвых — тени, божества Аида, демоны преисподней и дети ночи: эриннии, сны, беды. Отлетела душа, попала в мир мертвых тенью — и все!

А мы ищем причину ухода даже тогда, когда все было известно и только ожидали прихода смерти, не зная, когда она нагрянет. Изменения болезненные есть, о них знает сам больной, о них знают окружающие, но они дают возможность жить в условиях небольших нагрузок. Но если нагрузки возросли сразу и внезапно, больные органы справиться не могут, человек — погибает.

Но малые знания элементарных законов биологии, заставляют нас сомневаться.

И опять здесь без вмешательства судебного медика, или патологоанатома не разобраться.

Так как функциональные обязанности судебного медика и патологоанатома настолько переплелись, что мне кажется, наступила пора объединить их в единую службу.

Примечания: Тардье — известный французский судебный медик

Олленхауэр и Гофман — известные немецкие судебные медики, авторы книг по судебной медицине

Танатология — наука о смерти, от имени бога смерти — Таната.

Тень сомненья

Тень сомнения витает,
Осторожно приглядись,
Если тень — она растает,
Если нет, то это — жизнь.
Тень бывает непокорной,
Коль колеблется предмет,
Но всегда имеет форму,
Формы нет, и тени нет.
Тень сомненья исчезает,
Если твердый дан ответ,
Доказательства — железны,
И сомнений тени нет.

Широкой души человек живет мыслями светлыми и делами, а в ошибках своих винит только себя. Иное дело человек мелкой, плоской души, и, довольствуясь дарами жизни, крива его дорога, идет он по ней, отшвыривая всех прочих. В тупик зашел, иных ищет путей, но обязательно кривых, прямой взгляд не доступен. Ищет виновных в своей беде, местью дышит-течет. Задыхается в гневе, и кроме гнева ничего в нем не остается.

Два судебных процесса, разных по мотивам преступления, со значительным разрывом во времени, оказались свя-

занными воедино. Связь вначале невидимая, незаметная, не найди ее, и свершиться б ошибке судебной, и пострадал бы абсолютно невинный человек. А преступник потирал бы руки, месть — свершилась!

Слушание первого уголовного дела в небольшом городе, назовем его, как принято в повествованиях городом N, не привлекло к себе особого внимания общественности, хотя на скамье подсудимых оказался известный руководитель местной артели «Заря» Козлодоев Михаил Георгиевич, мужчина еще молодой, приятной внешности и перспективный во всех отношениях. Дело шло о хищении материальных ценностей в крупных размерах и реализации их с целью получения, так необходимых в молодом возрасте, денежных знаков. Впрочем, в них нуждаются не только молодые

Козлодоев обладал напористостью характера, в чем могла убедиться не одна особь женского пола, и особой изобретательностью в ведении коммерческих дел. Жалобы на теневую сторону его действий поступали в вышестоящие органы часто, но комиссии, состоящие из достойных представителей проверяющих структур, ничего криминального в действиях руководителя «Зари» не находили, пока…

Пока не взялся за проверку опытный ревизор КРУ (контрольно-ревизионного управления), Федоров Петр Филиппович. Ревизор человек степенный, медлительный в действиях, дотошный, обремененный большой семьей, в число членов которой входила и 20-летняя сестра его жены, Клав-

дия Ивановна, а попросту — Клава, еще недавно долговязое, голенастое, играющее в классики существо, не любившее школьные занятия. Незаметно она превратилась в некрасивую и нескладную девушку, не обладающую какими-либо талантами, к тому же, со слабыми мыслительными способностями, даже если они касались инстинкта самосохранения.

Федоров, придя в управление артели, потребовал бухгалтерские гроссбухи, уселся за отведенный ему стол, сказав: «Вы работайте, не обращайте на меня внимания, я помешаю только тогда, когда мне что-нибудь понадобится»

И, правда, его присутствия почти не ощущалось, а вот заметки в блокноте ревизора росли, обрастали цифрами. Около цифр появились и галочки, и вопросы. Козлодоев стал чувствовать присутствие ревизора не только зрением, но и каждой частицей своего тела. Он не раздражал молодого руководителя, он стал просто ненавистным, от невозмутимого спокойного лица ревизора исходила невидимая угроза, и эта угроза росла с каждым днем и каждым часом Козлодоев понял, что капкан на него вот-вот захлопнется. Медлить больше нельзя. Козлодоев пригласил к себе Федорова, окинул взглядом приемную и, убедившись, что там нет ни души, плотно прикрыл дверь в свой кабинет. Жестом, пригласив ревизора сесть, он сказал открыто: «Сколько ты хочешь?»

Петр Филиппович поднял голову, продолжая молчать. На лице его не было ни следа какой-либо реакции.

«Я спрашиваю, во сколько Вы себя оценили? Сколько я

должен отвалить, чтобы Вы прекратили проверку?

Ревизор пожал плечами и ответил: «А, нисколько! Дело закончено и будет передано в прокуратуру. А насчет денег, которыми Вы оценили мой труд, я так скажу, молодой человек, взятками не балуюсь! Мой принцип: лучше меньше поесть, но слаще поспать!

«А я еще раз предлагаю Вам хорошо подумать, прежде чем дать ответ. Сумма в 5000 рублей прекрасная оценка Вашей работы. От того, что я сяду на скамью подсудимых, Вы ничего не выиграете! Если вы не отразите в акте всего, что Вы успели накопать на меня, ваша репутация не пострадает. Ведь и прежде были десятки комиссий, и никто ничего не обнаружил!» — говорил Козлодоев, резко жестикулируя правой рукой в то время, как ладонь левой руки мелко дрожала.

Щеки Петра Филипповича покраснели, словно кто-то влепил ему несколько пощечин, но он сказал: «Не трудитесь напрасно, Михаил Георгиевич, я не продаюсь. Я не судья. Пусть оценку Ваших действий определят судебно-следственные органы.

Петр Филиппович у себя дома уселся за пишущую машинку, чтобы отпечатать акт проверки. К нему подошла свояченица, Клава, и сказала: «Можно мне поговорить с Вами, Петр Филиппович?»

Федоров удивился: «Что с тобой, Клавочка? Откуда такой официальный тон?»

Клава сказала: «Мне один человек сделал предложение»…

«Ну, и прекрасно, — перебил ее Петр Филиппович, — предложение сделано тебе, ты — взрослая, ты можешь принять предложение, можешь отказать. Я не понимаю, при чем тут я?»

«Но Вы, сами того не зная, становитесь на моем пути!» — воскликнула девушка, покраснев.

«Объясни, пожалуйста, чем я тебе мешаю?» — сказал Федоров, еще более удивляясь.

«Дело в том, что человек, которого я люблю, и который сделал мне предложение — Михаил Георгиевич. И он сказал мне, что его судьба, а следовательно и моя, в твоих руках!»

«Да, мне жаль тебя, ты сделала неправильный выбор! И тут я тебе ничем не могу помочь. — сказал Петр Филиппович, нахмурившись, — и потом, ты еще молода, найдется еще хороший человек, а Козлодоев слишком скользкий для тебя!»

«Так ты не поможешь?» — резко ощетинилась девушка.

«Нет!» — отрезал Федоров.

Акт проверки деятельности артели «Заря» был передан в прокуратуру, там возбудили уголовное дело и по окончании его, передано в суд. На судебном процессе Петр Филиппович выступал в качестве эксперта.

Сеял мелкий, но частый дождь, за окнами слышался монотонный шум листвы от падающих на них капелек дождя,

струйки воды стекали по стеклам окон. Зал, в котором происходило слушание дела Козлодоева, был небольшой, но и он был наполовину пуст.

Во-первых, дело слушалось более недели, на столе лежало 10 толстых томов уголовного дела. Посторонние утомились слушать то, в чем они абсолютно не разбирались.

Во-вторых, любопытным мешала непогода.

Над столом судей тускло горели две лампочки. А там, в глубине зала властвовали серые тени. Процесс шел вяло, скучно. Но все же, все свидетели допрошены, все доказательства исследованы и нашли свое подтверждение. Петр Филиппович зачитал акт судебно-бухгалтерской экспертизы. Вопросов к нему не последовало, и он устало опустился на стул.

Выступили государственный обвинитель и адвокат. Федоров их не слушал, углубившись в свои мысли: «Ну, что было нужно этому Козлодоеву? Зарплата приличная, положение в обществе прочное, уважаемое. Ну, украл раз, украл два… Но почему не мог остановиться?»

Козлодоеву было предоставлено последнее слово. Содержание его не доходило до сознания Петра Филипповича. Он почему-то представлял выступающего сейчас в фуфайке, черных хлопчатобумажных брюках, и почему-то в шапке, хотя не представлял одежды заключенных в зоне. Суд удалился на совещание перед вынесением приговора и Федоров, не желая ждать, поднялся и направился к выходу. Проходя ми-

мо скамьи подсудимого, он услышал шипение в свою сторону: «Ничего! Ты еще попомнишь меня, падла!»

Прошло несколько лет, о деле Козлодоева давно забыли. Петр Филиппович по-прежнему занимался рутинной, но любимой работой. Дети подросли. Клавдия Ивановна оставалась скромной, малообщительной женщиной. Между нею и Петром Филипповичем пролегла полоса отчужденности, через которую никто из них не переступал.

Общение ограничивалось набором общих фраз.

Сегодня, 15 апреля, Петр Филиппович возвращался усталым с работы, дел было много. Прежде чем войти в квартиру, он открыл почтовый ящик, извлек из него несколько газет, среди которых обнаружил повестку в прокуратуру. Время явки было указано — 15 апреля

17—00. Федоров посмотрел на часы, они показывали 16—20. В его распоряжении оставалось 40 минут. Он вошел в квартиру и услышал голос жены: «Это ты, Петя?»

«Нет, это пришел вор, украсть мою женушку!» — шутливо отозвался Федоров.

«Воров мы не принимаем, но для такого стол накрыт! Проходи, мой руки и за стол1» — последовал приказ жены.

«Да, ты знаешь, я бы это сделал с удовольствием, Надюша, да тут у меня на руках повестка в прокуратуру на 17 часов!»

«Да, ты успеешь» — сказала жена.

«Нет, я уж попозже поужинаю. Торопиться, набить желудок, мучиться от тяжести в нем и изжоги, нет, уволь! Я схо-

жу, и назад. Я, думаю, что это ненадолго!»

Но Петр Филиппович ошибался. Домой ему ни сегодня, ни завтра возвратиться не пришлось. Следователь прокуратуры Егоров задержал его, обвинив в убийстве.

Чтобы понять все случившееся, придется вернуться на сутки раньше, в этот же кабинет, к этому же следователю.

В дверь постучалась и, не дождавшись разрешения, вошла молодая, некрасивая женщина.

Стоя у самого порога, она заявила взволнованным голосом: «Арестуйте меня, я виновата в убийстве! Я убила своего ребенка!

Следователь Егоров сказал спокойно, словно он привык к таким заявлениям: «Проходите, садитесь и расскажите помедленнее, пообстоятельнее, не выпуская подробностей. Может, прежде воды выпьете!»

«Да, нет, я так!»…

Вот что она рассказала: Я и моя сестра, Надя, воспитывались матерью, без отца. Я намного моложе сестры, родилась незадолго до смерти отца. Потом сестра вышла замуж за гражданина Федорова, а я продолжала жить с матерью. Неожиданно для нас всех, мать скоропостижно скончалась, и я стала жить вместе с сестрой и ее мужем. В прошлом году сестра заболела, лечилась в местной больнице, но ничего не помогало. Она таяла на наших глазах. После домашних совещаний решили ее направить на юг, пусть хоть поживет на природе последние дни жизни. Она уехала. В семье жизнь

продолжалась так же, как и при ней. Потом между мной и мужем сестры, Петром наступило сближение, а потом я вступила в половую связь.

Вскоре мы уже жили, как муж и жена, не надеясь на выздоровление моей сестры. И неожиданно для нас я забеременела. Об этом я сообщила Петру, на что он сказал, что нужно подождать, потому что задержки менструации бывают и без беременности. Я успокоилась, и, наверное, напрасно. Беременность продолжалась, я пошла к знакомой акушерке, та проверила меня и сказала, что делать аборт уже поздно. Чтобы не обращать на себя внимание посторонних, я затягивала живот и стала носить широкие платья и юбки. Постепенно я привыкала к своему новому положению, совсем забыв об умирающей сестре. И вдруг неожиданно получаю письмо с юга, в котором сестра сообщает, что она выздоровела и через несколько дней возвращается домой. Я от страха чуть сознание не потеряла. У меня начались боли в животе. Петра дома не было. Что делать? Я позвонила моей акушерке,

Та пришла вовремя, чтобы принять ребенка. Установив, что со мной и ребенком все в порядке, акушерка ушла. Вечером Петр вернулся домой, зашел в спальню увидел меня и ребенка. Я рассказала ему о письме. Он взял его, уселся в кресло, прочитал и долго сидел без движения, о чем-то думая. Потом растопил печь и, когда угли ярко разгорелись, он отнял у меня ребенка и бросил его в печь. Я услышала резкий крик ребенка и потеряла сознание. Когда я пришла

в себя, все было кончено. Я потеряла своего ребенка, мою дорогую девочку.

Рассказывая это, женщина часто прикладывала носовой платок к глазам. Следователь видел текущие по ее щекам слезы. Он спросил ее: «Почему вы обвиняете себя в убийстве ребенка, когда это сделал другой человек?»

Она ответила: «Но ведь я ее не защитила. И потом, я долго молчала, не решаясь обратиться к вам!»

По подозрению в детоубийстве был вызван в прокуратуру Федоров. На вопросы следователя он отвечал спокойно, в голосе его не чувствовалось ни волнения, ни ноток угрызения совести.

«Какие у вас взаимоотношения с гражданкой Селезневой Клавдией Ивановной?» — спросил следователь прокуратуры.

«Нормальные, родственные» — ответил Петр Филиппович

«Если они у вас нормальные, чем вы можете объяснить то, что она обвиняет Вас в таком тяжком преступлении, как детоубийство? — спросил Егоров.

«Я не могу дать пояснений, поскольку не знаю причин, побудивших ее возвести на меня поклеп!» — пожал плечами Федоров.

«Вы признаете себя виновным, или нет?» — в упор спросил следователь.

«Да Вы что! — воскликнул Петр Филиппович, — я за

свою жизнь цыпленка не зарезал, не то, чтобы убить ребенка. Я вообще не понимаю, откуда он взялся. Ведь все это — бред сумасшедшего!»

Следователь вызвал конвой и приказал поместить Федорова в следственный изолятор.

На следующий день была допрошена акушерка. Она пояснила:

«Да, в конце июля, точно числа не помню, меня по телефону срочно пригласила Селезнева

Я догадывалась о причине вызова, поскольку уже знала о ее беременности, так как она уже обращалась ко мне. Когда я пришла, то увидела ее корчащейся от боли. Воды отошли, головка плода прорезалась, несколько потуг и на моих руках лежала новорожденная девочка. Физические данные говорили о том, что ребенок доношенный, без признаков патологии. Родильница долго упрашивала меня никому не говорить об этих родах. Я перед уходом дала ей советы, как ей вести себя и как ухаживать за ребенком. Я посоветовала ей вызвать врача-педиатра.

«Ваши действия в последующем? — спросил следователь, отрываясь от бланка допроса.

«Откровенно говоря, я не интересовалась. У меня много работы, потом бегаешь по магазинам, прибежишь с работы, приготовит поесть надо, убрать, постирать. Я бы и не вспомнила бы об этом случае, не пригласи Вы меня сюда! — ответила акушерка., — а, что меня посадят? —спросила она.

«Никто Вас не посадит, а вот нарушений вы допустили не мало, — заметил Егоров, — Вы о них, наверное, и сами знаете?»

Протокол допроса закончен, подписан акушеркой, и она ушла.

Следователь не долго думал. Ему было все ясно, и он с чистым сердцем принялся за обвинительное заключение. С готовым делом он пошел к прокурору, и в этот же день дело поступило в народный суд. Обвиняемый отказался от услуг адвоката, но суд, выполняя процессуальные нормы, назначил адвоката из членов адвокатской коллегии.

На исходе была осень. Желтые и багряные листья украшали деревья. Немало листвы лежало на тротуарах и прохожие, проходя, пинком ноги подбрасывали их вверх. Был теплый ясный день. В воздухе летала легкая, как мысль, паутинка, и столбами роились мошки. С утра у стен суда толпились зеваки. Еще бы, не каждый день в маленьких городках судят за убийство. А тут еще было не банальное убийство, на бытовой почве, а детоубийство, да еще таким жестоким образом.

Судебное следствие началось с оглашения состава суда, потом было зачитано обвинительное заключение. Оно было относительно коротким, свидетелей было немного, и большинство из них ничего по существу обвинения пояснить не могли. На скамьях, где сидели присутствовавшие, слышались перешептывания и еле слышимые охи и ахи.

Приступили к допросу подсудимого. Он упрямо заявил,

что виновным себя не признает и ничего по существу обвинения не знает. Никакого преступления не совершал. На все вопросы прокурора, адвоката и суда отвечал категорическим отказом. Такое поведение подсудимого раздражало и настраивало всех присутствующих против него. Слышались реплики, прерываемые судьей: «Самого бы его живьем, да и в печь!»

Не изменилось поведение подсудимого и при допросе потерпевшей и свидетелей. Только и слышались от него ответы: «Нет! Не знаю! Нет!»

Государственный обвинитель в своем выступлении, коротко останавливаясь на фактах, весь упор делал на характеристике личности подсудимого, подчеркивая глубину содеянного и не желание хоть в чем-то раскаяться. Речь была хорошо подготовлена, брала за души присутствующих, вызывая ненависть к подсудимому. Все ожидали выступления защиты, что найдет адвокат облегчающего участь подзащитного.

И все же всех удивила речь адвоката, начавшего свое выступление так:

«Мне трудно защищать человека, не раскаявшегося в совершении преступления. Все факты свидетельствуют против него, и все они нашли подтверждение в судебном заседании, — он беспомощно развел руки.

Судья прервал адвоката словами:

«Обвинений более, чем достаточно! Приведите суду хоть

что-то, по вашему мнению, позволяющее смягчить его вину?»

«Да, нет у меня таких аргументов, — воскликнул адвокат, покраснев, — все ясно, как божий день. Мой подзащитный виновен! Единственная у меня тень сомнения — почему не проведена судебно-медицинская экспертиза?»

Реплика государственного обвинителя: «Трупа нет, что исследовать?»

— А потерпевшую!

«А что это даст, если с момента родов прошло немало времени?»

Адвокат, вяло: «Давайте соблюдем формальности!»

Суд, совещаясь на месте, определил: «Назначить судебно-медицинское освидетельствование потерпевшей Селезневой. Суд отложен до следующего дня.

На следующий день в судебное заседание был вызван судмедэксперт, молодой черноволосый мужчина. Его заключение повергло всех в шок. Оно гласило, что потерпевшая Селезнева не только не рожала, но и никогда не жила половой жизнью,

Она — девственница.

Тут же, в суде была выяснена причина оговора: Козлодоев, поняв, что вариант дачи взятки Федорову, не сработал, решил воздействовать через его свояченицу, Селезневу Клавдию.

Сделать это было нетрудно. Ничего привлекательного в

девушке не было, ни внешности, ласкающей взгляд, ни внутреннего содержания, ни способности преподать самое себя.

по сути, она была отверженной. Скованные искусственно физиологические чувства, искали выхода. И тут появился Козлодоев, ему не стоило труда влюбить в себя неискушенную, знавшую о любви только из художественной литературы, девушку. Она была без памяти от него. Но, попытка воздействовать на Федорова возможностью выдачи ее замуж, оказалась бесплодной. Причину своих неудач Козлодоев не искал в самом себе,

Он нашел громоотвод — Федорова. И, действительно, тот на любом этапе своих действий, мог прекратить проверку, не отразив ничего существенно, ограничившись мелкими погрешностями. При этом, он ничем не рисковал. Имел возможность, но не сделал. Мог бы спасти, а — утопил. Чувство ненависти переполняло душу Козлодоева. Располагая большим избытком времени, он разработал план мести. В письмах к «любимой», он писал не только о любви, и планах создания семьи после освобождения, но и поддерживал в душе Клавдии чувство ненависти к мужу сестры, как единственному препятствию на пути к ее счастью.

Следовало еще оценить действия акушерки. Не будь ее показаний, весь разработанный план рухнул бы, как карточный домик. Та не долго сопротивлялась, признав, что ее уговорила дать такие показания подруга, Селезнева. А потом, даже видя чудовищные последствия своих показания, она их

не меняла, боясь наказания. Следствию предстояло еще дать правовую оценку действий «потерпевшей» и «свидетеля».

А в общем, план Козлодоева сработал бы, не возникни тени сомнения.

Месть

Тот, у кого есть права, кто обладает силой, тот не прибегает к мести. К ней вынужден прибегать тот, кто не может напрямую ответить обидчику. Месть рождается долго, рождение ее ничуть не легче, чем рождение живого существа. Нужно, чтобы обидчик почувствовал ее, пострадал, помучился. И в тоже время нужно отвести от себя возможность расправы за месть. Лучше всего, орудием мести избрать постороннее лицо, а самому постоянно находиться в тени. Если месть осуществляется с помощью предметов неодушевленных, нужно сделать так, чтобы это выглядело случайностью. Исследуются различные варианты мести. Чем больше вариантов, тем больше выбор, тем легче будет ее осуществить. Да, и исполнителей мести должно быть немного, ибо с ростом числа их, растет и возможность разоблачения. И, последнее, исполнитель должен быть уверенным, что действует по своей инициативе, а не является слепым орудием. Характер мести целиком и полностью зависит от интеллекта мстящего.

Вырыть яму, чтоб туда свалился ночью сосед, и сломал себе ногу, поставить растяжку, соединив ее с взрывным устройством — ума много не надо. А вот, чтобы создать что-то позаковыристее, это уже требует размышлений.

В работе судебно-медицинского эксперта всякое бывает,

в том числе и месть. И пусть она до глупости проста, а вот доказательств потребует серьезных.

Приведу несколько примеров из своей практики.

Живут два соседа — Куренцов и Накиченович. Долго и мирно живут. Да и делить-то им нечего. Морской песчаный берег, находящийся от них в нескольких десятков метров, скудную землю, образующую приусадебные участки, да свод небес, жаром дышащего летом. Мужики соберутся по свободе, задымят цигарками, поговорят о политике и о днях насущных, на праздники по чарочке врежут — вот и все дела. Весь день-то на работе. Меж женами иногда тень ляжет, из-за детишек повздорят, подуются друг на дружку, потом глянут, а детишки уже мирно меж собою играют. И улетает тень, опять улыбаются бабы, заходят, чтобы покалякать о своих, бабьих делах. Как-то оно вышло, что привез Накиченович сетку металлическую, вдвое разрезал ее и стал огород городить, говорил, что соседская коза замучила, то, и дело по огороду шастает. Хоть на том огороде бурьяны буйно растут. Засопел в две дырочки Куренцов, но ничего не сказал. Но, только, как-то, курица Накиченовича через сетку ту во двор к нему перелетела. Он, возьми, да палкой ее огрей, закудахтала курица, на одной ноге попрыгала. Сцепились меж собой мужики, бабы друг дружке в волосы вцепились — крики на весь Эльтиген! Одолел Накиченович, посильней и потяжелей оказался, под глаз соседу синяк поставил, на лбу ссадину небольшую. Как ту обиду неотомщенной оставить. Никак

нельзя! Пришел ко мне Куренцов на освидетельствование, как в народе нашем говорят — пришел снять побои. Естественно, уже несколько дней прошло после драки. Записал в акт я повреждение, дал им квалификацию и говорю: «В нарсуд обращайтесь, в порядке частного обвинения»

«Как в суд, — возмутился Куренцов, — я хочу, чтоб Накиченовича в тюрьму посадили!»

«Я ни прокурор, ни судья, сажать в тюрьму у меня права нет, жалуйтесь!»

Ушел Куренцов, я и забыл о нем. Но он о себе напомнил. Пришел снова с направлением от прокурора и выпиской из истории болезни, а в ней диагноз — «Рожистое воспаление лица» И вопросы: имеет ли связь рожистое воспаление с травмой? К какой степени тяжести относятся телесные повреждения?

Пришлось мне писать, что при разрыве во времени между ссадиной и рожистым воспалением в две недели, этот вопрос решается отрицательно. Сами же повреждения относятся к разряду легких, без расстройства здоровья. Я, естественно, догадывался, каким образом Куренцов вызвал рожистый процесс, но не стал об этом даже упоминать. Не рождай сам себе неприятностей — вот принцип нормальной работы.

Прошло еще две недели, и меня с прокурором города Керчи Шининым И. Г. вызвали в горком партии, к третьему секретарю Ерохину. Разговор, который произошел, стоит того,

чтобы его вкратце передать. Вначале мы вынуждены были долго ожидать в приемной, пока нас вызовут. Мне показалось, что секретарь хотел, чтобы мы созрели и прониклись важностью предстоящей беседы. Наконец, секретарь, секретаря, милая, но серьезного внешнего вида девица, пригласила нас войти. Вошли. Не поднимаясь из-за стола, молча, Ерохин жестом указал нам места, где мы должны были сесть. Вид у него был негодующе-спокойным. Я сохранял внешне безразличный вид, ничуть не волнуясь. Для этого у меня были основания: я был беспартийным, и я никому в городе не был подчинен. Иное дело Иван Григорьевич. На лице его можно было прочитать некоторое беспокойство. Выдержав долгую паузу, третий секретарь горкома грозно сказал, обращаясь к прокурору:

«Почему я должен заниматься Вашими делами? Почему не арестован Накиченович?»

«А за что он должен быть арестован?» — стараясь говорить спокойно, спросил прокурор.

«Как за что? — возмущение Ерохина было неподдельным — гражданин Куренцов был им беспричинно избит, около месяца пролежал в больнице, продолжает и сейчас находиться на больничном, а вы у меня спрашиваете, за что?»

«Я не могу дать санкцию на арест, имея заключение судмедэксперта о том, что телесные повреждения относятся к разряду легких» — сказал прокурор, слегка побледнев.

Только теперь секретарь изволил, кажется, меня заметить.

Он повернул ко мне голову и сказал: «А, что Вы скажете?»

«Я при даче заключения руководствуюсь не собственными желаниями, а правилами закона» — ответил я.

И тут Ерохин допустил непростительную ошибку. У него вырвалось: «А что мне закон!»

Я поднялся и сказал, обращаясь больше к прокурору, чем секретарю горкома: «Я ухожу, мне здесь делать нечего, коль тут не уважают закон!»

Ерохин спохватился: «Вы меня не так поняли, товарищи!»

Но я уже закрывал за собою дверь. Через несколько минут вышел Иван Григорьевич и сказал примиряющее: «Ну, зачем Вы, Петр Петрович, так резко?»

«Иван Григорьевич, для меня Ерохин — никто! Я — беспартийный, чем он может мне досадить? Снять с работы? Понизить в должности? Мое руководство находится в Симферополе… И, наконец, зачем мне выслушивать бестактного и неумного секретаря по тем вопросам, в которых он, явно, и разбираться не должен!»

Потом я шел один и думал: «Куда идет общество, если прокурора, лицо, следящего за правильностью исполнения закона, бездарь пытается поправлять?»

Месть, направленная в одного, может изменить направление и покарать невинного, хотя в таком случае кощунственно одно употребление слова покарание. как-то на отдых летом в Керчь приехал отдыхать ведущий бас Мариинского

оперного театра, или театра оперы и балета имени Кирова. За давностью событий, я запамятовал его фамилию. Был тот артист молод, красив, здоров, вся слава — впереди. Что поделать, если служители Мельпомены и Терпсихоры так мало получали, что вынуждены были отдыхать «дикарями». Вот и этот артист снял в пригороде города Керчи, Старом Карантине времянку. Откуда было ему знать, что сосед хозяина, у которого он снял помещение, с целью мести, что-то накрутил с электричеством. На второй день по приезду, певец решил вскипятить себе чай, сунул вилку в розетку, и упал мертвым на пол. Я, исследуя мертвое тело, пришел к заключению, что смерть наступила от поражения электротоком. Тело увозили для похорон в Ленинград. Я помню восклицания того, кто прибыл из Ленинграда, чтобы переправить туда мертвое тело актера: «О. Боже! Какой голос! Невосполнимая потеря! Такой голос рождается один раз в столетие!» И я, выписывая врачебное свидетельство о смерти, отложив в сторону ручку, представил себе сцену, а на нем певца в роли Мефистофеля в «Фаусте» Гуно, в черном блестящем плаще, с огненно-красной площадки, исполняющего серенаду. Делом занималась прокуратура, а мне оставалось думать над тем, как мелочен и злобен, бывает человек

Месть может принять непредсказуемые формы, если мстящий, свои недюжинные способности посвящает ей. Нет бы направить на благие дела…

Тихий домик

Супружеская чета доживала свой век в доме №5 по улице Калинина города Керчи. Казалось бы, что старикам надо? Чтобы было тепло, сухо, немного пищи и много, много покоя. Домик снаружи и изнутри был неплохим. При доме небольшой огородик, несколько деревьев персиков, два абрикоса, да три куста винограда, заплетающих беседку у входа. Жизнь стариков можно было бы назвать неплохой, если бы дед Федор двигался. А он весь последний год лежал парализованным. Отнялась вся левая половина, правда, потом появились мелкие движения в пальцах руки, и — все! Вначале он и речь потерял, потом восстановилось, что-то подобное курлыканью журавлей, какое-то: «Ку-ку-рл! Па-кирили!» Одна баба Вера понимала речь мужа, во всяком случае, это казалось со стороны. Дед за год вынужденного лежания отрастил такую бороду, что и библейский Мафусаил позавидовал бы. Пенсии на жизнь обоим хватало, продукты дешевые, одежда модная не нужна. Но бабе Вере этого было мало, она копила себе на старость, не замечая того, что та давно уже пришла. Сначала она пускала квартирантов. Летом весь двор был полон незнакомых людей. Близость моря делала домик привлекательным для отдыхающих. Потом баба Вера поняла, что от приезжающих хлопот много, глаз, да глаз за ними нужен. Поэтому она стала пускать молодых лю-

дей, составляя договор с ними о передачи дома в наследство, условие одно, молодые люди обязаны были за это «доглядывать» за стариками. Приходили многие, клюнув на наследование, но почему-то через 6—7 месяцев договор расторгался. Инициатором расторжения всегда была хозяйка дома, хотя, глядя правде в глаза, должно было сказать, что «наследники» не скупились на содержание стариков. Уже и соседи стали подозревать бабу Веру в нечистоплотности, обзывая за глаза ее сквалыгой. А опыт житейский должен был подсказать, сколь опасный путь избран. Но слепы глаза алчности, не слишком далеко они видят. Застилают взор, прямо брызжут в глаза обманом полученные блага. А подсказать некому, не любит старость советов молодых, слишком мудрой себя считает. А говорили знакомые бабы Веры: «Ой, смотри, нарвешься ты когда-нибудь на такого, жалеть долго о том будешь!» Неприятности следовало ожидать, она постоянно где-то рядом крутились. В очередной раз молодая пара поселилась в домике на Калинина. Он, сам местный, мужик неопределенного возраста и вида, но плотный, мускулистый, работящий, по фамилии Хрони. Она — молодая симпатичная женщина, со смуглой кожей, схожей на гречанку, да и фамилия какая-то, Хелисиди. Нет, женщина не была женой Хрони, он был просто ее сожителем. Жили они вместе уже более четырех лет, заключению брака препятствовало то, что Хрони не был разведен с прежней женой. Отсутствие надежного семейного гнезда тоже не способствовало

облегчению жизни молодых. Казалось, ну, эти уже удержатся, прошло 11 месяцев, как поселились, и никаких трений со стариками. Но, как-то утром, баба Вера заявила «наследникам», что она с ними расторгает договор, и пусть они срочно ищут себе квартиру. При этом никаких претензий молодой паре она не предъявляла. А спустя еще четыре дня в милицию поступило сообщение, о том, что в веранде дома №5, по ул. Калинина лежит мертвое тело хозяйки дома. Сообщение поступило от квартирантки.

Веранда дома была перегружена вещами, нужными в хозяйстве, но только в различное время года. Но более всего она мне напоминала летнюю кухню. Полки, полки с банками пустыми и с овощами, специи разные, сумочки, пакеты и пакетики. Кухонный стол, два табурета, газовый баллон и газовая плитка-таганок. Около стола лицом вверх лежало мертвое тело старой женщины. На ней были одеты байковое коричневого цвета платье, поверх него кофта и ватная стеганка, на ногах суконные бурки с галошами, на голове — пуховый платок. Ни на одежде, ни на теле при внешнем осмотре повреждений не было, не считая мелких ссадин на тыльной поверхности правой кисти. Тело было уже холодным, развитие трупных явлений позволяло думать, что смерть последовала не менее 10 часов назад. Была опрошена квартирантка Хелисиди. Та показала, что мужа дома не было, тот пошел вечером к своему приятелю в Аджимушкай. Она, не ожидая его, рано легла спать, ночью не просыпалась, а, когда отпра-

вилась по естественным надобностям во двор, обнаружила хозяйку мертвой. Старика мы застали спящим, разговаривать с ним было бесполезно. Учитывая все данные, полученные при осмотре места происшествия, мы пришли к выводу, что, скорее всего, мы имели дело с ненасильственной смертью.

Однако, произведенное мною вскрытие тела, показало, что мы все ошибались, у покойной были обнаружены множественные переломы ребер, прижизненного характера, нижняя доля правого легкого имела повреждение, причиненное костным фрагментом бедра, а в плевральной полости содержалось около полулитра жидкой крови и кровяных сверткков. Такие повреждения, учитывая хрупкость костей в старческом возрасте, можно было получить при резком давлении на тело тупого предмета, например, коленом ноги. Посоветовавшись со старшим следователем прокуратуры Александром Васильевичем Евстифеевым, решили, усыпить бдительность убийцы (в том, что им был Хрони, у нас сомнений не было, так же, как не было сомнений, что у него на этот случай имеется отличное алиби) Для этого я выдал ему на руки свидетельство о смерти, в котором причиной смерти гражданки Сарычевой была определена сердечно-сосудистая недостаточность вследствие хронического атеросклеротического кардиосклероза. Надежда, была на то, что убийца успокоится, потеряет бдительность и сделает ошибку, которая станет той ниточкой, за которую, потянув, можно будет

распутать весь клубочек. Наш план был нарушен активными и вредными действиями милиции, не поставившей в известность следователя прокуратуры, и задержавшей Хрони. Милиция имела право задерживать по подозрению любого гражданина (ст.100 УПК УССР) на трое суток. За эти трое суток необходимо было собрать материал для предъявления обвинительного заключения. В этом конкретном деле такое было невозможно. Хрони и далее продолжал находиться в следственном изоляторе тюрьмы по обвинению еще по уклонению от уплаты алиментов на содержание ребенка от первого брака. Сырой материал, без достаточной обвинительной базы, был направлен в суд. И не удивительно, что убийца был оправдан. Через год мне пришлось встретиться с сожительницей Хрони, она пришла на освидетельствование по поводу нанесенных ей побоев сожителем. Я вызвал ее на откровенный разговор, она мне подробно рассказала, как Хрони убивал старуху. Это было нетрудно, он повалил ее на пол, придавил грудь коленом, и та, подергавшись немного, затихла. Я предложил ей быть свидетельницей, но она решительно отказалась. Дом по ул. Калинина, №5 достался новой квартирантке с малолетней дочерью, ставшей опекуном старика.

Ну, что поддеть, проколы в работе бывают…

Навечно в строю

Он, жизнь чужую защищая,
На кон поставил жизнь свою,
Все говорят — судьба такая,
И я об этом говорю.

Знал бы, где упасть, то соломки б постелил! Не заглядывал бы в преисподнюю. Не наклонялся бы над ее бездонной глубиной. Встреча с глупостью, с безумием страшна, дышит на тебя черным холодом смерти, но не чувствует этого тело твое, купаясь в золотых лучах солнца. Печать смерти уже на тебе, ты мертв, хоть и жив еще. Поступаешь из человеколюбия, в очередной раз, спасая, теперь уже ценой своей жизни, ту, с которой ты так много беседовал, которую ты так подолгу уговаривал развестись с мужем. Она слушала тебя, поддакивая головой, всхлипывая и проливая слезы. О, как наивна, женщина, полагающая, что ей удастся спасти обломки былого, хотя и его счастливым никак не назовешь. Того, кого она постоянно защищала, считая отцом детей своих, хотя он давно отказался от этих прав, и который превратиться в разрушителя еще одной ни в чем не виноватой семьи.

Участок, как участок, не лучше и не хуже других. Село, оно и есть село. Преступлений крупных нет, так, мелочи.

Кто-то подрался. Кто-то сорвал хулиганскими выходками вечер в колхозном клубе. Кто-то что-то украл. А крадут постоянно. И в поле крадут, и на виноградниках. Нельзя забывать и о тех, кто самогон варит, не порядок это! Бывают дела и посложнее. Скажем, как-то в скотомогильнике труп младенца был обнаружен, свежий трупик, без следов разложения. Кто и как туда заглянул? Но, судебно-медицинского эксперта вызвали. Тот исследовал тело младенца и дал заключение о том, что ребенок родился живым и должен был жить, если бы ему пуповину перевязали. Эксперту просто, дал заключение, и всё. А ему, участковому милиционеру искать нужно, кто это сделал. Кто-то знал, где скотомогильник находится. Кто? Только свои знали, деревенские. Две недели прошло, прежде чем Гуцулярк выяснил, что не было на селе женщин с большими сроками беременности. А вот к Лукиным гостья приезжала, с той стороны, с Кубани. Долго не задерживалась, всего двое суток. Погостила, и на паром подалась, И по времени со смертью младенца совпадает. Дали ориентировку на Кубань, нашли привлекательную «маму». Выяснили и почему «рожать» приезжала в Крым. Оказывается, дело в особенностях уголовных кодексов. В РСФСР нет статьи о детоубийстве есть только об убийстве, включая и убийство новорожденного, срок тюремного заключения по этой статье до 10 лет. А вот на Украине есть понятие о детоубийстве, да и срок намного меньше — до 3-х лет лишения свободы. Ну, и дошлый народ пошел, и такие тонкости знает.

Сегодня день был относительно спокойным. А, что может нарушить покой в июне? Гроза с дождем и градом? Или пожар в поле? Ничего такого не было. Побывал и в поле, и на колхозном огороде, и в мастерских. Везде порядок. И душа у милиционера спокойна, не то, что ноги — порядком подустали, ломят в голеностопах. Жена к столу позвала. Ел Гуцулярк один, все давно отобедали. Не привередлив хозяин дома. Миску глубокую борща съел, шесть вареников с творогом. Встал из-за стола, поглаживая живот. После еды можно часок-другой и соснуть. Да вот не дали. Прикатил пацан на велосипеде, сообщил, что пьяный Федорук людям ружьем угрожает. Не первый раз напивается Федорук, а пьяный жену и детей по селу гоняет. Давно бы можно было пьяного дебошира урезонить, да жена, Настя, упрашивала, ну посадят, а чего ей с детьми жить? На какие деньги? Вздохнул участковый, выкатил свой старенький велосипед, поднажал на педали. Первое, что увидел он, так это, Федорчука, стоящего с охотничьим ружьем и целившимся в свою жену. Между ними было не более 10 метров.

«Брось ружье!» — крикнул милиционер, соскакивая с велосипеда. Он только успел телом своим закрыть женщину, как раздались выстрелы, сразу из обоих стволов. Кровь хлынула из груди Гуцулярка, он успел отнять ружье у Федорчука, а дальше…

А дальше милиционер упал на землю и умер.

Я вскрывал мертвое тело участкового, еще молодого,

крепкого человека, и думал

А чем защищена жизнь милиционера? Какими благами он пользуется, рискуя жизнью? Что будут делать жена и дети его? Какие обязанности страны перед ними?

Полицейский в Америке, видя вооруженного человека, имеет право, без предупреждения, стрелять на поражение. А наш должен сначала предупредить, потом сделать предупредительный выстрел в воздух. А потом суд будет решать, а не превысил ли он допустимые меры самообороны! Семья американского полицейского будет материально обеспечена. Жизнь полицейского оценена до 1 млн. долларов. А жене Гуцулярка придется «горбить», чтобы детей на ноги поставить!

Честь и хвала тебе дорогой Гуцулярк. Тебя навечно занесут в списки родной милиции, будешь ты пребывать в почетном строю. Какое-то время будут даже вспоминать о тебе!

Ревность не мыслит

9 ноября, только что прошли праздники, еще не улетучилось праздничное настроение. Так не хотелось приступать к работе. Правда, сегодня я не дежурил по секционному залу, т.е. я был свободен от вскрытий. У меня были недооформленные акты экспертиз, над которыми следовало еще подумать, и я дежурил по выездам на места происшествия. В 9—30 поступило сообщение, что в доме 16 по улице Галактионовской обнаружен труп, просили прибыть на место происшествия. От здания областной судебно-медицинской экспертизы было не далеко, я молод, мне 24 года, так что я довольно быстро добрался туда пешком. На улицу фасадом стоял старинный двухэтажный дом из красного кирпича. Справа и слева от него имелись проемы ворот, сами ворота отсутствовали. Позади дома тянулся длинный и узкий двор, метров на 50 в длину, с рядом одноэтажных строений по правой стороне, вдоль левой стороны тянулся высокий забор. В самой глубине двора стоял одинокий квадратный деревянный дом, снаружи оштукатуренный. Местами штукатурка отвалилась, видны были старые седые бревна, с набитой на них дранкой. Дом от времени глубоко просел в землю, порог был вровень с землей, а, чтобы войти в узкий полутемный коридор, нужно было спуститься по трем деревянным ступенькам. Владелец дома разделил тонкими дощаты-

ми перегородками внутреннее помещение на крохотные каморки, чтобы побольше вытянуть монет из карманов жильцов. Условия проживания намного хуже, чем в любом общежитии. Нет кухни, туалет на улице, ни постирать, ни детишек искупать. Что поделать, в центре города жилье стоило довольно дорого и не каждому было по карману.

У входа в дом стояла группа людей в милицейской и военной форме, а также и гражданских лиц. Среди них я знал одного, начальника 13-го отделения милиции г. Куйбышева, подполковника милиции Косточка, коренастого, плотного, с заметным брюшком мужчину. Здесь же были прокурор и следователь Фрунзенского р-на города, военный прокурор и следователь Приволжского военного округа. Мне предложено было пройти в глубь здания. Я вошел в плохо освещенный коридор, прошел метра 4, свернул направо, дальше продвигаться было невозможно, люди столпились плотной массой. Но, оказалось, что идти дальше не было никакой необходимости, место происшествия находилось справа от меня. Дверь комнаты была приоткрыта, туда то и дело заглядывали любопытные. У двери меня встретил старший следователь городской прокуратуры Прохоров. Зайти в комнату нам обоим не представлялось возможности, так она была мала, к тому же перегружена мебелью, возможно, мне так показалось из-за царившей там тесноты. Решено, что я пройду в комнату один. Следователь сел на стул у дверей, и я стал диктовать текст протокола осмотра места происше-

ствия. Понятые стали рядом со следователем. Ступать приходилось крайне осторожно, поскольку почти весь пол был залит свернувшейся кровью. Такой толщины лужу крови мне пришлось видеть впервые. И так, я приступил к работе. Когда смотришь кино, или читаешь литературу с криминальными историями, то там показывают ведущим следователя. Да теоретически, по процессуальным вопросам это так, но, когда место происшествия связано с человеческими жертвами, в дело приходится ведущим вступать, как правило, судмедэксперту, так как следователь довольно плохо ориентируется в частях человеческого тела. Постараюсь, восстановив все в памяти, описать увиденное мною. Комната имела прямоугольную форму, размерами 5х3 метра, окно располагалось напротив двери и выходило во двор. Оно было плотно прикрыто бордового цвета шелковой занавеской. Поэтому пришлось вначале пользоваться при осмотре электрическим освещением. Прямо у входа слева стоял довольно большой сундук, судя по всему верх его использовался вместо кровати, он был застелен одеялом, касаясь стены, лежало две подушки. На одеяле в беспорядке лежали женские кофточка, юбка, чулки. Вплотную к сундуку располагался шифоньер. Прямо у окна стоял небольшой туалетный столик, на нем лежали предметы женского туалета и небольшое овальной формы зеркало. Поверх зеркала лежали две записки, выполненные на четвертушках белой бумаги неровным почерком фиолетовыми чернилами. Содержание одной: «Такое пре-

ступление карается только смертью. Лицо, учинившее расправу, должно руководствоваться совестью». Записка была подписана росчерком пера с завитушками, но разобрать фамилию было возможно — Замараев. Вторая записка гласила: «Танечка, живи и расти, и не будь такою, как мама. Коля, живи и расти, и не делай так, как папа» Записка имела туже подпись, что и первая. Справки были зачитаны мной и приобщены к делу. Стало ясно, что преступление совершил квартирант, офицер, служивший при штабе Приволжского военного округа. Содержание записок позволяло уже сделать вывод, что убийство произошло на почве ревности. Справа от окна стояла полуторная кровать, на нем угадывались формы человека, накрытого стеганым ватным одеялом, местами пропитанного кровью. В ногах, поверх одеяла лежали брюки галифе и китель, цвета хаки. Все свободные промежутки стен покрывали картины, вышитые болгарским крестом, все они были помещены в узенькие рамки. Снимая одну часть одежды за другой, лежащие на кровати (следователь протоколировал снятое мною), я, наконец, добрался до трупа. Тело лежало на спине, на нем была розовая шелковая сорочка, принадлежало оно молодой женщине, красивого телосложения, но обезглавленное. Судя по характеру отчленения головы, произведено оно было обычной опасной бритвой, края были ровные, с множеством кожных насечек. Других повреждений на теле не было. Поиски головы в комнате не дали никаких результатов. Осмотрев все в комнате, я перенес

свои поиски в коридор, осматривая стоявшие там ведра. И в это время услышал громкий голос снаружи: «Муж идет!» Услышав это, я выскочил наружу и увидел спину удаляющегося мужчины. Одет он был в брюки галифе, заправленные в сапоги, поверх кителя, на нем был серый хлопчатобумажный пиджак. На голове обычная серая фуражка. Мужчина быстро удалялся, вслед ему бросились сотрудники милиции и прокуратуры. Я до сих пор не могу понять, что заставило меня присоединиться к преследователям, если это не входило в круг моих обязанностей. По-видимому, подсознательно проявился синдром толпы. Так как я был молод, занимался бегом, я опередил всех и стремительно стал приближаться к убийце.

Вот уже мы только двое бежим посреди улицы, где проходило трамвайное полотно. Он, чувствуя мое приближение, стал вилять, это ускорило процесс поимки, я схватил его сзади за пиджак. К моему удивлению, пиджак оказался у меня в руках, а преступник продолжал бежать. Я бросил наземь пиджак и вновь стал настигать его. Когда до него оставалось метра три нас стал настигать трамвай. Это был старый трамвай, двери его не закрывались при движении. Убийца схватился за поручни и скрылся в глубине вагона. А я остановился, не решившись на такой подвиг. Я стоял и смотрел в сторону удаляющегося трамвая, когда рядом со мной остановился легковой автомобиль марки «ЗИМ», дверца его открылась, голос сказал: «Садись!» Я оказался среди сотруд-

ников милиции, одетых в форму.

Подполковник Косточка предложил следующий план: мы едим вслед за трамваем и как увидим, что он выходит из вагона, тут же его и хватаем. Мне была предложена самая главная роль, в расчете на то, что одежда на мне была гражданская. Я должен был зайти сзади и по знаку Косточки хватать преступника. Не пойму до сих пор, почему я дал согласие на это. Правда, задумано было нами одно, а исполнять пришлось совсем иное. На углу Галактионовской и рабочей улицы, вблизи дома-музея В.И.Ленина, трамвай сделал остановку, из него вышел старший лейтенант (спутать его я не мог ни с кем, на улице было холодно, а он легко одет)

Как и было договорено, я зашел сзади его, ожидая сигнала. Но… Подполковник, наставив заводную рукоятку автомобиля (она невероятно длинная) на преступника, сказал:

«Руки вверх!»

К моему удивлению, старший лейтенант вскинул вверх руки. Интуитивно я, стоя сзади, сунул руки в карманы его галифе и вытащил пистолет «ТТ». он был снят с предохранителя,

обойма, полная патронов. Вот когда я не на шутку испугался, думая: «А что ему стоило расстрелять нас, ведь наказание одно и то же, что за одно убийство, что за множество. Я мог быть убитым первым, и я представил ждущих меня жену и крохотную дочурку. Больше я никогда не ловил преступников. Каждый должен заниматься положенным ему де-

лом. Правда, сам офицер был испуган, я слышал, как у него стучали косточки коленей.

Потом, уже на допросе, который проводился в моем присутствии, задержанный, отвечая на вопросы, сообщил, что убил он жену, потому что она ему изменяла. Они были в гостях по случаю октябрьских праздников, там она кому-то улыбалась. Когда они вернулись домой, он учинил ей скандал (детей дома не было, их отвели к знакомым, когда отправлялись в гости). Она молча разделась и легла в постель, а он не спал и долго курил, возбуждая себя картинами измены жены. Реют вокруг него дети Ночи Темной, шепчут ему в уши: «Отомсти! Что ты медлишь! Твоя любовь поругана! Скоро над тобой, рогоносцем, будут смеяться все!» Они его подтолкнули к туалетному столику, а руки сами потянулись, доставая из ящика туалетного стола опасную бритву. Он схватил жену за копну тяжелых черных волос. Она кричала, пытаясь вырваться, а он, стиснув от злобы зубы, полоснул ее по горлу. Затем долго, пребывая во власти чудовищного наваждения черных тяжких ведений, отчленял голову ее, завернул в свои трусы, положил в сетку-авоську, отнес на берег Волги. Там он бросил голову в воду, и стоял, прикуривая одну папиросу от другой. На вопрос следователя, зачем он возвращался домой, в день задержания, он ответил:

«Хотел попрощаться с нею, поцеловать ее!»

«Куда поцеловать, если ты ей отрезал голову? — вмешался Косточка.

«В грудь! — ответил задержанный.

Мне уже приходилось видеть не одно убийство, совершенное на почве ревности, но тут мне пришлось иметь дело с человеком, поведение которого не укладывалось в рамки обычного. Здесь не было состояния пьяного оглушения. Написанные записки позволяли сделать вывод, что все делалось обдуманно. А это не соответствует тяжелой форме опьянения. Не было здесь и патологического опьянения, для которого характерен последующий длительный сон, с полной амнезией о случившемся. Напрашивался вопрос, а зачем нужно было отчленять голову и нести ее к Волге? Ну, да ладно, убийце еще надлежало пройти судебно-психиатрическую экспертизу. Мне — вскрыть мертвое обезглавленное тело, что я и выполнил. Через два дня в морг принесли голову погибшей, и я пришил ее к туловищу. Женщине было 25 лет. Черноволосая красавица, в маленьких аккуратных ушках были маленькие золотые сережки.

Моя личная точка зрения: беспробудное пьянство офицера и явилось причиной трагедии. У него стали проявляться признаки импотенции, да и сексуальные отношения с пьяным в стельку супругом тяготили женщину. Возникает желание переложить свою вину на друга и партнера. Причину угасания чувств находить в беспричинной ревности. Женщине с двумя маленькими детьми, создающей вышиванием картины — некогда гулять

И закономерный результат: Офицер, не думая своей голо-

вой, одним движением бритвы уничтожив ту, которую любил, изуродовал свою жизнь и сделал двух маленьких детей сиротами. Я в своей работе так и не привык спокойно относиться к тем, кто покушается на чужую жизнь. И никакие причины, кроме самозащиты, во внимание мое не принимается

«Радость рождения»

Рождение ребенка, рождение новой жизни. Сколько литературы посвящено этому таинству жизни. Сколько тревог, сколько хлопот при подготовке встречи с ним. А сколько мук женщине, вынашивающей плод. Я помню, как тяжело протекала беременность моей жены. Как я всю ночь до утра провел в помещении диспетчерской железнодорожного вокзала, откуда через каждые полчаса звонил в роддом. Помню ту радость и облегчение испытал, когда мне акушерка сказала: «У вас родилась дочь!» И мне было всегда не по себе, когда мне приходилось заниматься вскрытием тел новорожденных. Что поделать, в нашей стране были запрещены аборты, а рождение ребенка не всегда было желательным для женщины, контрацептивы были примитивными и ненадежными. Выйти замуж женщине с ребенком всегда было затруднительно. При Петре Великом, заботящемся о численности населения в государстве, любая женщина могла отдать своего ребенка в приют, не крадучись, а вполне свободно, и младенца принимали. Девочек учили рукоделию, из мальчиков готовили солдат. Обо всем этом я думал, направляясь в командировку в «Дубовый Умет» — районный центр Куйбышевской области (Самарской). Связь с ним была только автобусом по мощеной булыжником, а местами просто грунтовой дороге. В период весенней распутицы, и особенно в

половодье, связь с этим старинным селом, состоящим из сотни одноэтажных деревянных строений, прерывалась дней на 10—12. Каждый, направляясь туда в командировку в конце апреля месяца, рисковал задержаться до спада талой воды, помирая от тоски и безделья. Знал об этом и я, собираясь в командировку по вызову местной прокуратуры. Длительная тряска в автобусе, повидавшим все виды и чихавший от неправильной регулировки карбюратора. Сиденье, потрепанное, продавленное, впивалось в те части тела, которого оно касалось. Вдох облегчения вырвался из моей груди, когда автобус достиг конечного пункта назначения, и я выбрался наружу. Меня встречал следователь, одетый по форме, средних лет плешивый мужчина. Здание морга, в этом богом забытом селе, отсутствовало. Судебно-медицинское исследование трупа приходилось проводить на дому умершего (это бывало не раз в практической деятельности, и к этому все привыкли). Вот мы и в доме. Пяти стенная просторная деревянная изба, шагнувшая из девятнадцатого века в пятидесятые годы двадцатого. Сени, соединяющие жилую часть дома с хлевом, встретили меня резким специфическим запахом. Горница с двумя подслеповатыми давно немытыми окнами. Деревянный большой стол, покрытый пеленкой. На столе — объект исследования, труп младенца женского пола, длиной 50 см. со всеми признаками новорожденности, но с неперевязанной пуповиной. Здесь я увидел и мать новорожденной — веснушчатую, ширококостную девушку, неза-

мужнюю и без определенных видов на замужество.

Просьба посторонним, а их оказалось здесь немало, освободить помещение, была воспринята без удовольствия, но выполнена. И вот рядом со столом я и следователь прокуратуры. С постановлением о назначении судебно-медицинской экспертизы я знаком. Вопросы, поставленные на разрешение, эксперта были обычные, стандартные. Я приступаю к действиям и через полчаса говорю следователю о результатах исследования: младенец новорожденный, доношенный, родился живым, жизнеспособным. Причина смерти — механическая асфиксия (удушье) от утопления. Следователь смотрит на меня удивленно. «Такое бывает, — поясняю я, — когда роды происходят сидя на ведре с водой, или, когда новорожденного сразу после рождения помещают в воду. И в том, и в другом случае — криминал!» Следователь тут же попросил маму пояснить, каким образом она утопила ребенка?

«Ну, как обычно топят котят!» — ответила та, удивляясь непонятливости взрослого мужчины, к тому же следователя прокуратуры. Никакого волнения, ни дрожания рук не видел я, и не слышал прерывистой речи. Обыденность и какая-то даже вялость. Я понимал, что в ее глазах жизнь существа, которого она девять месяцев в себе носила, которого родила, немногого стоит. Покорми его она хоть раз своей грудью, чтобы он своим беззубым ртом приник к ее соску, все было бы иначе. У нее проснулся бы инстинкт материнства, а

так… А так, передо мной была живая женщина, с холодной, каменной душой.

Я не выдержал и сказал родительнице, возмущенно: «Да как у Вас рука навернулась?»

Она ответила спокойно: «А разве я этого не могу сделать? Ведь ребенок-то мой!

Топим же мы котят»…

«Но это же ребенок, человек, разве можно его сравнивать с котенком? Это же — преступление!» — вырвалось у меня

Она удивилась, пожала плечами и сказала: «Да, что я одна такая, что ли? А Снегирева Палашка, а Кузнецова Лидка, а»…

Список оказался довольно длинным, следователь торопливо записывал фамилии в блокнот, а я понимал, что отсюда мне скоро не выбраться.

Последняя поездка

Она вышла на перрон вокзала Куйбышев. Только сегодня она вернулась из поездки. Трое суток вагонной суеты. И хотя работа была физически не трудной, она от этой поездки устала до чертиков. Днем нет покоя от пассажиров, всем им что-то надо, и немедленно, и только сейчас. Тому нужно немедленно побриться, и он требует включить электричество,

Тому нужен чай, хотя он только что вошел в вагон, и не успел даже разложить свои вещи по полкам. Там кто-то открыл окно, и, а другой требует его закрыть, потому что его всю жизнь преследуют сквозняки. А там жалуются на плохую вентиляцию купе. Тот резким тоном требует открыть дверь туалета, хотя прекрасно знает, что на длительных стоянках крупных железнодорожных станций, туалеты не должны работать. Наступает вечер, кажется, пассажиры угомонились, но нет, какой-то пассажир, перегрузившись горячительными напитками, решил исполнить несколько оперных арий, возомнив себя новым Карузо. А потом начинают мелькать станции, и на каждой открывай двери, выходи с флажком, встречай и провожай пассажиров. А тут, на ее беду, заболела напарница, пришлось делать все самой. Но, слава Богу, все неприятности позади. Впереди трое суток отдыха. Сегодня солнечно, первая половина сентября, приятное тепло ласкает тело. Можно махнуть домой, к матери, а, если пове-

зет, то встретиться с Костей. Она уже неделю, как его не видела и истосковалась по его крепким объятьям. Как прежде он любил, как ждал ее. Он был готов отдать все за мгновение, только бы видеть ее. Он поклонялся ей, как божеству. И она все тело свое и душу отдавала ему, не скупясь ни на слова любви, ни на ласки.

Постояв в раздумье несколько минут на перроне, она двинулась к общежитию, там переодевшись во все свежее, направилась к столовой, решив, что совсем неплохо будет перед дорогой немного подкрепиться. Там в самом конце столовой, за столиком у окна сидели ее подруги по работе Лиза Сыромятина из Кряжа и Светлана Боборыкина из Зубчаниновки. Один стул был свободен. Она подошла, села, спросила:

«Что девочки заказали?»

«Овощное рагу и биточки!» — ответила за всех Боборыкина.

«А винегрет есть?»

«Опять ты за свой винегрет, да соевые бобы! — усмехнулась Лиза Сыромятина, — Ты случайно, Кать, не забеременела?»

Да ну, вас, — отмахнулась Катя, пошла к раздаточной и вернулась с тарелкой винегрета и соевыми бобами. Плотно усевшись, она взяла вилку и принялась за еду, торопливо, почти не разжевывая пищу,

«Куда ты торопишься? — спросила Боборыкина, посмот-

рев на часы, — только двенадцать.

«Через полчаса мой поезд пойдет!»

«опять товарняком? — спросила Лиза.

«Да так быстрее и не надо оформлять проездные» — ответила Катя, поднимаясь.

Затем, подойдя к зеркалу, достала из сумочки губную помаду, подкрасила губы, послюнив палец, провела им по непослушным бровям, вздохнула и вышла наружу. Больше ее живой подруги не видали.

Я пришел, как всегда, в областную судебно-медицинскую экспертизу раньше всех.

На пороге, у раскрытых дверей, стоял Егор Степанович, плотный, кряжистый мужчина, лет пятидесяти, с простым курносым лицом славянского типа. Он выполнял в экспертизе множество обязанностей, и к удивлению, отлично справлялся с ними. В его обязанности входила уборка двора, он же растапливал 22 печи, обогревающее одноэтажное большое здание экспертизы, расположенное в конце тупика Красноармейской улицы. Когда мы приступали к работе, в помещениях было тепло и уютно. Когда он все успевал, ведь топились печи дровами и углем. Он был и старшим санитаром. Это он принимал трупы, поступающие в различное время суток. Работал он споро, чисто и аккуратно. Спиртным не баловался. Жил он рядом с моргом в одноэтажном доме вместе с тремя сестрами, двое из которых тоже работали санитарками в экспертизе.

«Егор Степанович, — спросил я, — что ни будь у нас есть?

«Есть повешенная, — ответил он, — там, на столе лежит направление».

Общей бедой нашей были наспех набросанные, чуть ли не каракулями выполненными, порой и безграмотные направления трупов на судебно-медицинские исследования. Главная беда, в них, как правило, было отсутствие обстоятельств дела, что заставляло начинать работу вслепую. Выручала хорошая подготовка судебно-медицинских кадров. В данном случае все повторилось. В направлении, выполненном на вырванном листе из ученической тетради, было размашистым почерком начертано: «При этом направляется труп неизвестной женщины на судебно-медицинское исследование и установления причины смерти

А в самом низу — следователь транспортной прокуратуры, а вместо подписи крючочки с завитушками. По закону все неизвестные трупы подлежат обязательному фотографированию и дактилоскопированию. Это входит в обязанности сотрудников НТО (научно-технического отдела) МВД. Работа судмедэксперта в таких случаях усложняется тем, что ему приходится чрезвычайно дотошно описывать одежду на трупе (и качество материала, и цвет, и расцветку, и покрой, и фасон и т.д.), состояние ее, словесный портрет, наличие особенностей строения отдельных частей тела, рубцы, родимые пятна, татуировки и т. д. Но закон часто нарушался, и к счастью не судебно-медицинским экспертом. Служба НТО

работала плохо, часто приходилось и дактилоскопирование, и фотографирование производить уже после вскрытия. И в этом случае произошло все именно так. Я предварительно позвонил в транспортную прокуратуру, откуда мне ответили:

«Начинайте вскрытие, следователь подойдет к Вам попозже, сейчас он занят. Я не стану описывать детали одежды, они не имеют значения в моем повествовании. Самым главным,

при исследовании были особенности странгуляционной борозды и содержимое желудка.

Странгуляционная борозда была плоская, с верхним кожным валиком, расположение ее было строго горизонтальным, а прерывалась она на задней поверхности шеи на расстоянии 3 см.

Она носила прижизненный характер. Причиной смерти была механическая асфиксия от сдавливания шеи петлей. Содержимое желудка была пищевая кашица, среди которой были видны кусочки полупереваренного огурца и красной свеклы. Характер странгуляционной борозды позволял предположить наложение петли из брючного ремня посторонним стоящим сзади потерпевшей. Чтобы все проверить, пришлось ожидать прихода следователя, с вынесенным им постановлением. Он появился около 13 часов, высокий, светловолосый, неопределенного возраста. Мы познакомились. Михаил Иванович, так звали следователя, нако-

нец, сообщил обстоятельства дела. Труп женщины обнаружил машинист проходящего поезда, о чем сообщил в управление железной дороги. Следователь выехал на место происшествия, почему-то забыв пригласить судебного медика. Труп женщины лежал на спине, вдоль железной дороги, снаружи от нитки пути, не доезжая 5 км до станции Старые Липяги. Следователь видел странгуляционную борозду, но выводов делать не стал, предметов, вызвавших образование борозды на шее, не было. Не было и каких-либо повреждений. Я высказал свои предположения, которые следователь определил как первую версию уголовного дела по факту обнаружения тела. Вот она: повеситься или повесить на месте обнаружения трупа не на чем. Совершить преступление где-то и нести труп к железной дороге бессмысленно. Значит, оно совершено в вагоне поезда. На трупе нет повреждений и следов волочения. Значит, труп не сбросили с поезда, а снесли и положили. А для этого поезд должен был сделать остановку. Но остановку в этом месте делают только поезда, груженые нефтепродуктами. А это означает, что потерпевшая ехала на таком поезде, мало того она ехала в тамбуре последнего вагона, иначе преступнику лучше было бы положить ее под колеса, а не класть рядом с железнодорожным полотном, и он здорово спешил. Кто мог это сделать? Скорее тот, кто сопровождает поезд. Такие поезда прежде сопровождали два проводника. Один находился на переднем вагоне, сразу же после паровоза, он назывался главным, последний вагон мили

цистерну сопровождал старший проводник. Значит, совершил старший проводник. Но, какого поезда, если их за сутки проходят десятки? Может быть, помогла бы решить потерпевшая? Но мы ничего о ней не знаем. Чтобы это узнать, следовало решить вопрос, что заставило женщину ехать на таком составе, если ходят через час-полтора пассажирские. Кроме того, проезд на товарных поездах грозит уголовным преследованием.

А не предположить ли, что эта женщина — железнодорожница, в таком случае вопрос поездки на нефтеналивном составе укладывается. Следователь из моего кабинета позвонил в депо проводников и пригласил начальника. Тот пришел, и к нашему облегчению, в мертвой опознал одну из работниц депо — Екатерину Семеновну Булгакову. Предстояло выяснить, кто последним видел ее? Нашлись две проводницы: Сыромятина и Боборыкина, которые видели Булгакову в столовой, около 12 часов дня, когда они все трое обедали, после чего, она должна была уехать.

«А что она ела?» — спросил следователь.

«Винегрет и соевые бобы» — ответила одна из проводниц.

Я частицы винегрета, полупереваренные, обнаружил в желудке. Время их нахождения, судя по его характеру, соответствовали по времени 3—3,5 часа нахождения в желудке. Это время мы приплюсовали к 12 часам, получилось 15 — 15 часам 30 мин. Был установлен поезд, сделавший в это время

остановку. Были приглашены главный и старший проводники этого поезда. При опросе главного проводника, тот сказал, что он ничего не знает, поездка была обычной, без особенностей. А вот старший сообщил о том, что была одна особенность, в этой поездке главный и он поменялись местами.

Следователь предложил мне освидетельствовать главного проводника. При освидетельствовании я обнаружил на передней поверхности правого бедра ссадину, в виде полосы красно-бурого цвета. На мой вопрос, откуда и когда образовалась ссадина, свидетельствуемый ответил, что ссадину он получил три дня назад случайно, когда пролазил между вагонами.

Я опроверг его утверждение. Он помедлил немного, и стал рассказывать, что он давно собирался расстаться с Булгаковой (их связывали сексуальные отношения), она надоедала, шантажировала его тем, что добьется его увольнения. (В сталинский период времени сексуальные отношения рядовых членов партии часто становились предметом рассмотрения партийным бюро, с вынесением довольно неприятных решений) План убийства созрел на ходу, когда они ехали в тамбуре последнего вагона. Обнимая ее сзади, любовник набросил ей на шею ремень от брюк, стал затягивать. Она ударила его ногой по бедру. Он не отпускал, чувствуя своим телом ее судорожные движения. Потом движения прекратились, она обмякла и сползла на пол тамбура. Он вынес ее наружу, положил на насыпь и дал сигнал к отправлению поезда.

Заночевал
Небо ясное, светит луна.
Город пуст. Видны снежные горки,
Лишь фигурка плетется одна,
Без шинели, в одной гимнастерке.
Но, похоже, рожден под звездой,
Мог упасть, ноги держат нетвердо,
И закончил бы путь свой земной,
Но спасен санитаром из морга.

Он ехал в Уфу

Предоставленный командованием части отпуск заканчивался. Следовало торопиться. Провожали его всем двором, пили, пели, веселились. Застолье затянулось, выпили на посошок. Он целовался со всеми. Под баян садился в вагон. Помнил, как подсели двое «дружков, пил с ними, потом пригласили к себе в купе, потом была долгая остановка, он сошел с поезда, заскочил в вокзал, там спиртного не продавали. Он спросил, а где тут можно выпить. Ему сказали, да тут за углом есть распивочная, в которой круглые сутки продают водку. Он вышел на улицу, а дальше все смутно, где-то бродил, стал замерзать. Все подъезды домов закрыты, магазины закрыты. Ноги скользили по снегу, мерзли руки, он их сунул подмышки, но и там было холодно, гимнастерка не грела. По счастью увидел открытую калитку в ворота, он зашел, его швыряло, он уцепился за стену, по ней добрался до какой-то двери, потянул на себя, она открылась. Вошел — темно. Открыл еще какую-то дверь, споткнулся, упал и, как будто куда-то провалился.

Зазвенел будильник. Егору вставать не хотелось. Изба выхолодилась. Выбираться из-под теплого одеяла так не хотелось. Он еще пару минут полежал с открытыми глазами, потом встал, потянул спину с хрустом, и стал быстро одеваться. Оделся, натянул на ноги валенки с галошами, накинул

овчинный полушубок, открыл дверь и выскользнул во двор. Светит полная луна, вокруг нее светлый диск. «К холоду. Сейчас градусов 10 — 12., к утру все 25 будет» — подумал он, направляясь к дверям морга. Достав ключи из кармана полушубка, он отпер дверь, раскрыл ее и вошел. Коридорчик между мертвецкой и секционным залом не велик, только чтоб носилки развернулись. Вход в мертвецкую прямо, в секционный зал — слева. Он открыл левую, прошел в секционный зал. Он пуст, чист. Сквозь большие окна, наполовину снизу закрашенные белой краски, светлые пятна лунного света падают на пол. Здесь значительно теплей, но для работы в нем тепла недостаточно. Открыл дверь, ведущую в анатомический музей, свет не зажигал, здание до мелочей знакомо. Миновав зал, он толчком ноги открыл дверь сбоку и вошел в общий коридор областной судебно-медицинской экспертизы. Надо приниматься за работу. К утру должно быть везде тепло, сотрудники работают в халатах. Поддувала всех топок еще с вечера были им очищены от шлака, дрова заготовлены и кучками лежали около печей, на металлических листах, под поддувалом. Он полез в карман за спичками, и не нашел их. Чертыхнулся. Ну, надо же — забыл. Такое редко случалось с ним. Возвращаясь, он включил свет в секционном зале. Вышел из морга, прикрыв за собою дверь. Запирать на ключ не было смысла. Вошел к себе в избу. Да вот они, спички, спокойненько лежат на столе. Взяв их, он опять направился к двери морга. К его удивлению, она

была открыта. Он отлично помнил, что, выходя, прикрыл ее. Ветра не было, который мог бы распахнуть. С опаской, войдя в коридор, он увидел, приоткрыта дверь в мертвецкую. Ее всегда закрывают плотно для избежания проникновения крыс, с этой же целью она снаружи обита металлом. Крысы злейшие враги морга, они объедают покойников, излюбленными частями являются нос и уши. Егор помнит, как Голубеву Виктору Петровичу пришлось заниматься ринопластикой, и все-таки полностью восстановить нос не удалось. Скандал был тогда огромный. Выговоры сыпались на сотрудников морга, как из рога изобилия. Первым желанием санитара было, закрыть дверь и начать растапливать плечи.

Но, он этого не сделал, а позвонил в милицию. Оттуда прибыли два сержанта. Егор подвел их к двери мертвецкой, рассказывая, что обеспокоило его.

Электрического освещения в мертвецкой не было. Сержанты, подталкивая друг друга, не решались переступить порог ее. Егор попросил у одного их них карманный фонарик, вошел в мертвецкую. Луч света скользил по телам покойников. Вот свет выхватил зелень военной гимнастерки.

«Я его не принимал! — решительно сказал санитар. — Откуда он? Около носа кровь! Да, нет, кажется, он живой еще, сопит!»

Милиционеры не хотели наотрез заходить в мертвецкую. Егор с трудом выволок солдата в коридор.

«Вызывайте транспорт, — сказал он милиционерам, — да

поскорей его в больницу, а то он и впрямь поступит к нам!»

«А может он и не наш еще!» — сказал один из сержантов, — тут нужна военная комендатура!»

«Вот, когда он погибнет, он будет ваш, и отвечать за смерть придется вам» — возмутился Егор.

Угроза подействовала. Через пять минут «раковая шейка», как у нас называли милицейскую оперативную машину из-за ее раскраски, впервые за годы существования вывозила из мертвецкого живого человека.

Все может быть

Я видел свежий труп, без ног,
И надо же тому случиться,
Мы начали вскрывать, и каждый
видеть мог,
У трупа сердце стало биться.
Сжималось сердце, трепетало,
А человеку все равно,
И биться сердце перестало,
Но, вдруг забилось вновь оно

Говорят, что понедельник день невезения. Пожалуй, что и так. Во всяком случае, этот день помнился многим и, наверное, на всю жизнь Он начинался, прямо-таки, хорошо, даже великолепно. Ни единого трупа с утра. В городе с миллионным населением это — редкость.

На приеме живых лиц, считанные единицы. Я сел оформлять заключения, время подталкивало. Для дачи заключения выделалось не более трех суток, после чего следовали письменные объяснения. За окном — листопад, тротуары усеяны желтыми сухими листьями. Идешь, подбрасываешь их ногой и смотришь, как они ложатся вновь на землю. Еще сравнительно тепло. День ясный, солнечный. Часов в десять позвонили из транспортной милиции о том, что они доставят

труп. Десять минут тому назад один гражданин по неосторожности, нарушая правила перехода железнодорожных путей, попал под поезд, ему отрезало обе ноги, и он скончался на месте. Врачи железнодорожной поликлиники констатировали смерть. Еще через пять минут во двор областной судебно-медицинской экспертизы заехала машина, из нее извлекли труп мужчины, лет сорока, выше средней упитанности, одетого в коричневую куртку, с ним были доставлены ампутированные нижние конечности на уровне средней трети бедер. Наличие пояса осаднения, размятие мягких тканей и следы мазута не противоречили данным телефонного сообщения. С трупом было и направление, подписанное зам начальника транспортного отдела милиции Куйбышевской железной дороги. Егор Степанович, санитар, переложил труп на каталку и закатил в мертвецкую. И тут появился Голубев Виктор Петрович, наш самый, пожалуй, опытный судебно-медицинский эксперт, сухощавый, невероятно подвижный, с головой, подстриженной до корней волос. Он по совместительству был заведующий кафедрой судебной медицины Куйбышевского заочного юридического института. Сегодня к нему на практическое занятие пришла группа студентов, среди них было немало лиц среднего возраста, одетых по форме. Я заметил двух юристов второго класса. «Есть у нас, что ни будь?» спросил он меня (я был первым, кто попался ему на глаза). У меня сегодня практическое занятие по транспортной травме!»

«Есть, Виктор Петрович, есть, — ответил я, — но от момента наступления смерти прошло не более часа». У нас тогда существовало положение о вскрытии трупов не ранее 12 часов от наступления смерти. Виктор Петрович почесал свой безволосый затылок и распорядился:

«На стол его!»

Егор Степанович вкатил в секционный зал каталку, втащил труп на стол и принялся его раздевать. Виктор Петрович диктовал секретарю-машинистке описание одежды, ее деталей и характер повреждений, по ходу комментируя сказанное слушателям. А их было около 15, расположившихся вокруг стола, на удалении не менее 1,5 метров и тянувших свои головы к столу. У нас были такие правила: вскрытие производил только судмедэксперты, в обязанности санитаров входило раздевание трупа, распил головы, зашивание мест разрезов и одевание трупа. Санитар раздел мертвое тело и отошел в сторону, ожидая, когда наступит его время работы. Голубев, одетый по форме (халат, клеенчатый фартук и такие же нарукавники, резиновые перчатки, на голове белая шапочка) взял длинный ампутационный нож, одним движением вскрыл тело от подбородка до лобка потом вскрыл грудину. Не извлекая комплекса внутренних органов, он взял в руки ножницы и вскрыл сердечную сорочку (сумку, перикард). И все присутствующие, в том числе и я, увидели, как сокращается сердце. Медленно, но в той последовательности, характерной ему: вначале предсердия, потом

— желудочки, предсердия — желудочки. Гробовое молчание, все взгляды прикованы к главному человеческому двигателю. Замер и Виктор Петрович, потом одним движением он отсек сердце от сосудов и попросил меня принести тарелку и раствор Рингера. Я принес требуемое, Виктор Петрович положил отсеченное сердце на тарелку и стал поливать его раствором. Сердце продолжало ритмично и последовательно сокращаться. Голубев стал подробно рассказывать слушателям о проводящей системе сердца, об автоматии его. Вряд ли кто его слушал, все смотрели на работающее сердце, а работало оно 24 минуты. Потом остановилось. Занятие кончилось. А на следующий день в городе заговорили о том, что в судебно-медицинской экспертизе вскрывают живых

Утром Виктор Петрович пришел осунувшимся, с покрасневшими, и чуть припухшими глазами. Поседеть он не мог, потому что уже был седой. Изо рта его попахивало спиртным, хотя весь коллектив экспертизы, знал, что Голубев в рот спиртного не берет. Мы понимали, что так просто этот случай не пройдет. Мне пришлось засесть за книги, и искать, что-то подобное. Я перечитал труды Брюхоненко, Неговского, Эммерта, Гофмана. И нашел, нашел описание двух случаев работы сердца после биологической смерти. Этого было достаточно. После обеденного перерыва следующего дня Голубева вызвали в Куйбышевский обком партии. Никто не расспрашивал коллегу, о чем там говорили с ним в обкоме. Я мысленно представлял, как оправдывается эксперт, начи-

навший свою практику еще до революции, прошедший стажировку во французской Сорбонне, перед дилетантами в области медицины, да и не только в ней. Мы знали, что нашу жизнь регламентируют и направляют часто те, кто не разбирается в специальных вопросах, но такой порядок никто не в силах был изменить. Установка сверху была сильнее закона. Виктору Петровичу удалось перед партийными органами оправдаться. А вот нашли ли мы оправдание у рядовых граждан, это — вопрос?

Только из милосердия

Как они любили друг друга, водой не разольешь. Войну он прошел, уцелел. И она ждала его. Долго ждала, казалось, вечность прошла, но дождалась. Он вернулся в село. Имущество все помещалось в вещмешке. Вся одежда: шинель, да солдатская форма. И у нее все имущество в маленьком чемоданчике помещалось. Главное — целы оба. Ранения его ни в счет, как ни в счет и то, что у нее на ногах заметные шрамы от глубоких язв, вызванных авитаминозом.

Свадьбу сыграли вскладчину, принесли кто, что мог.

Землянку построили. Как и они сами, так и колхоз поднимался. На коровах и волах пахали. Пережили неурожайный 1946 год. Потом и солнышко глянуло на обездоленных. Фундамент дома заложили. И в поле, и дома работа, работа от зари и до зари. Темень наступала, лежали рядышком, тесно прижавшись друг к другу, ласкали заскорузлыми от работы руками, целовали соленые от трудового пота тела. Жизнь налаживалась, а вот с детьми не повезло. Как ни старались, ничего не получалась. Ходила Ирина и в село Святое, воду из целебного источника брала, пила — не помогало. Надежда еще была, все же молодые были, все еще впереди! Вот уже и дом вырос, и у них все стало, как у людей. Светлый дом, просторный, лучший на селе. У Игната Савельева руки золотые, резьбой дом покрыл, Крыльцо резное сделал. А детей

все не было. Плакала Ирина, Богу молилась. Кто виноват? Может, наказание за грехи? А какие, кто ведает? К врачам не обращались. Все уже вроде есть, а жизнь не заладилась. Не слышно в доме детских голосов. Дом пуст, как пустым бывает гнездо, когда в нем не отложены и не высиживаются яйца. Он упрекал ее, она вину на него валила. Стал Игнат на других женщин поглядывать. Она ревновала его к каждой, с кем он только заговаривал. Любили прежде друг друга, что от любви той осталось? То ли от тоски, то ли от другой причины, занемогла Ирина. Тает на глазах. И к врачам ливенским обращалась, и в Орел ездила, к областным специалистам. Лекарств перепила уйму, а результата — никакого, продолжала таять. Говорили, что нарушен у нее обмен веществ, а каких веществ — не сказали. Может, и сами не знали доктора. Вот уже остались кожа, да кости. И не умирает, и не живет. Местный фельдшер почти что каждый день наведывается. Послушает, постукает, микстуру выпишет — и уходит. Ни фельдшер, ни бабки знахарки не помогли. Ирина говорила мужу: «Это землянка мои соки вытянула, здоровье высосала! Вишь, только нос, да острый подбородок остался.

В очередное посещение, когда фельдшер пришла к Ирине, она уже обмытая, во все чистое одетая, лежала в гробу. Игнат говорил фельдшеру: «Ну, Инга Васильевна, преставилась моя Ирина, отошла в мир иной, ни словечка напоследок не молвила! Так уж голубушка мучилась. Да, Вы и сами знаете, часто бывали у нас в доме. Просьба у Ирины была, чтоб

не вскрывали ее. Так что помилосердствуйте, пусть идет к Богу целехонькой!»

«Конечно, конечно, — закивала Инга Васильевна, присаживаясь к столу и выписывая свидетельство о смерти. По закону она имела на это право и правом своим в полной мере воспользовалась. Иное дело, выписывая свидетельство о смерти, ну, хотя бы осмотреть тело догадалась бы. Не осмотрела, чего уж тут говорить, милосердие проявила человеческое.

А потом в прокуратуру анонимки пошли, появился повод к производству эксгумации. Эксгумировали. Труп находился в состоянии разложения, однако это мне не помешало обнаружить в чешуе затылочной кости проникающее отверстие, правильной треугольной формы. Стержень обнаруженного при обыске дома безмена позволил мне сделать вывод, что удар был нанесен им. Игнату Савельеву было предъявлено обвинение в умышленном убийстве.

«Да, не хотел я ее убивать, — оправдывался муж покойной, — но намучился я с ней, видя ее страдания. Да и она, наверное, благословила б меня. Бог видит, я это сделал из милосердия!»

Мани, мани

Советская власть заботилась, чтоб в наших карманах не скапливались развращающие человека богатства. Все было рассчитано, и потребительская корзина, и отдых, и здоровье. К беде нашей, власть не могла прогнозировать стихийные и общественные бедствия, и к борьбе с ними, как правило, не была готова. Каждая семья, каждый человек в государстве, в миниатюре повторял, свойственные обществу особенности. При малой зарплате многого не накопишь. А потребности души и желудка властью не учитывались. Вот и приходилось жаждущему и алчущему, где-то искать необходимые «тугрики», занимать. За рубежом система кредитования отлажена до мелочей. У нас она не отработана, на стихийном уровне пребывает. Каждый дающий, рисковал. Меньше риска было у берущего. Он рисковал только репутацией. Поэтому и удивительно, что находились такие, которые ссужали деньги, пусть и небольшие, тем, у кого репутация была здорово подмочена. Вот с такой репутацией и проживал гр-н Лоскутов Эдуард на первом этаже двухэтажного дома, по улице Славы, в городе Керчи. Квартира небольшая: одна комната и кухня. Обстановка крайне спартанская, в комнате — кровать и табурет. В кухне — стол, а на столе две миски и стакан. Большего хозяину и не требовалось. Он терпеть не мог всего того, что называют работой, неоднократно привлекался

к ответственности за тунеядство. Выводов не делал, и продолжал следовать своей философии. В доме он никому не мешал. Днем его застать в квартире было невозможно. Вечером, он, здорово пошатываясь, возвращался домой, забирался в постель, часто не раздеваясь, и мирно засыпал. За коммунальные услуги он аккуратно платил, и у ЖЭКа не было оснований применять к нему санкции принудительного характера. И, вдруг, происшествие! Жильцы квартиры, что находилась рядом, были потревожены душной августовской ночью, непривычными звуками, исходившими из квартиры неуловимого соседа. Выводя собачку на прогулку утром, сосед увидел, что створки окна квартиры Лоскутова раскрыты и, несмотря на солнечный свет, в ней горело электричество. Такового еще не бывало. Он заглянул через окно в квартиру и увидел лежащего на кровати Эдуарда, а на одеяле и простыне виднелись пятна крови. Сосед тут же позвонил в милицию. Вместе с милицией прибыл и я. Мертвое тело Лоскутова лежало на спине. Открытые глаза тускло смотрели в потолок. Рот приоткрыт, словно в крике. Острый, давно небритый подбородок, выдавался вперед. Тело Лоскутова поражало худобой и резкой бледностью, свойственной смерти от больших кровопотерь. На передней поверхности шеи были множественные поверхностные раны, скорее их можно было бы назвать кожными насечками, они не достигали подкожной клетчатки. Такие же кожные насечки были на передних поверхностях предплечий. Создавалось впечатле-

ние, что Лоскутов решил покончить жизнь самоубийством, вскрыв себе вены, да не решался, только пробовал. По средней линии верхнего отдела живота располагалась проникающая в полость живота рана. Характер краев ее и состояние углов, позволяли сделать вывод, что она причинена ножом. У меня сложилось мнение, что тут имело место самоубийство. Своим мнением я поделился с оперативниками. Но они со мной не согласились. И для этого у них имелись основания, не было ножа. Не было его ни на кухне, не было его и в комнате, где находился труп. Конечно, можно было бы предположить, что, покончив с собой, и истекая кровью, он вышвырнул нож наружу. Но поиски и под окном не увенчались успехом. Пришлось сделать вывод, что нож унесен тем, кто это все совершил, то есть здесь имело место — убийство. Теперь, в ином свете виделись и кожные насечки. Преступник не действовал поспешно, он наносил поверхностные раны обдуманно, причиняя боль, но, зная, что они не могут привести к смерти. Их множественность позволяла сделать вывод, что между нанесением каждой поверхностной раны проходил длительный отрезок времени. Иными словами, шел допрос с пристрастием. Преступник чего-то требовал от жертвы, болевыми приемами пытаясь ту убедить, и только, не получив, требуемого, он в ярости нанес удар ножом в живот. Кстати, при вскрытии тела я обнаружил повреждение крупного кровеносного сосуда, что сопровождалось обильным кровотечением. Брюшная полость была пол-

на крови, около 2-х литров, а для мужчины опасна быстрая потеря всего пол-литра крови. Женщина может перенести и большую кровопотерю без риска для жизни, ибо привыкла ежемесячно ее терять (в количестве той же полулитры)

Так, за что же пытали или пытал Лоскутова кто-то? Чем ценным он мог владеть? Ни состояние квартиры, ни образ жизни не свидетельствовали о том, что Эдуард имел у себя что-то ценное. А может, у него требовали возвращения долга? Такое предположение имело право на существование. Удивляло одно, под что давался долг? Вся округа знала о несостоятельности Лоскутова. Единственное, чем он владел, это — квартира. Не брал ли он взаймы под квартиру у кого-то? Эту версию и стали отрабатывать. След вывел на одного из соседей по дому. Тот жаждал отселения стариков, надоевших ему. И он стал ссужать деньги пьянице под его квартиру. По-видимому, не сработала мысль, что, убив дебитора, должника, он не только не приближался к поставленной цели, но и рисковал собственной свободой. Что поделать, если разум не срабатывает в нужный момент!

Проделки Асмодея

Когда в человеческие взаимоотношения вмешивается Асмодей, хромой бес сладострастия, впитавший в свои черты характеристики древнегреческого бога Гимерота, возникают ситуации, которые так или иначе соприкасаются с моралью и законом. А вот как квалифицировать некоторые нарушения, нашим следователям не всегда удается определить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.